

ПЛАЧ ОХОТНИКА

Повесть

1

Зимние сумерки сгустились, и течение времени прервалось. Когда отгорел закат?.. Теперь и не вспомнишь, кажется, что произошло это очень давно. Днем солнце резко, горячо обжигало лицо и обнаженную ладонь, с которой слетела рукавица. Стоило дню перевалить за полдень, как солнечный жар стал слабеть, хиреть, и все вокруг вновь крепко задышало зимой. Северный ветер, слегка тянувший по ущельям до заката, ледяным языком облизывал пространство и все свирепел, дерзко бедокурил и безобразничал по всей округе. С человеком и вовсе не церемонился: распахнется ненароком ворот рубашки, и к оголенной груди словно железо с мороза приложили – вздрогнешь от неожиданности, выругаешься и вытираешь невольно выступившие на глазах слезы, иначе вмиг примерзнут к ресницам.

При свете дня заботливая неугомонная невестка старушки Алиман нарубила для печи ворох сосновых сучьев, и сейчас сама Алиман, присев на корточки, набирала охапку, торопясь и выбирая из кучи ветки потолще. Немилосердный ветер донимал старуху, болели ноги, и в довершение всего твердая снежная крупа больно секла лицо. Как ни крепилась Алиман, крупный озноб сотрясал тело. Замерзшая, она поскорей поднялась на ноги, зашпешила в дом к очагу.

Бормоча: «Что это случилось с белым светом? На кого он разгневался?», Алиман швырнула сучья на железный лист, прибитый к полу, прихватив тряпьем раскаленную печную дверцу, распахнула ее и, поворотив уголья кочергой, начала засовывать в жерло печи свежепринесенные дровишки.

Огонь мгновенно перекинулся на темные сосновые ветки, и чайник, до того смиренно стоявший на плите, помедлив немного, вдруг засипел, заворчал и вскоре монотонно зашумел. Чайник на плиту старуха поставила загодя, чтобы ни мину-ты не дожидался ее сын Тлеу, ушедший на охоту. Однако Тлеу не возвращался, а чайник, пока она моталась по дому и в ограде, наполовину выкипел. Пришлось доливать. Алиман механически, не задумываясь, носила дрова, топила печь, добавляла свежую воду в чайник. Ее непрестанные мысли были о сыне: «Солнышко, что ж он так долго? Почему нет его до сих пор? Завтракал наспех, пошел в горы затемно. Проголодался, наверное... Хоть бы все кончилось благополучно. Какая, господи, зверская погода на дворе!»

Алиман забеспокоилась, лишь только вечер стал стаскивать солнце с небосклона. Дома она оставаться больше не могла и отправилась к большой дороге. Дорога шла через ущелье, может быть, встретится кто-нибудь, кому известно, где сейчас Тлеу. Старуха оделась потеплее, толстый верблюжий чапан надежно защищал от холода; она опиралась на палку и брела к дороге. Снегопад не прекращался, сквозь его завесу Алиман разглядела невестку и маленького внука – они шли от родника. Старуха с облегчением остановилась, потом присела на сугроб.

– Что ты, голубушка, так плетешься? Простудишь ребенка. Когда вы пошли по воду! Вот приходится встречать...

Невестка понимала, что свекровь вышла встречать вовсе не ее и не внука, но промолчала, никак не отзываясь на бранчивое старухино ворчание. Господи, да она сама не меньше тревожится о муже! Алиман потрогала поднятый воротник пальтишка внука, проверила, крепко ли замотан шарф, наказала невестке, с кряхтением поднимаясь с сугроба:

– Ты вот что: мясо кинь в казан – к возвращению Тлеу как раз поспеет. А я все-таки схожу, посмотрю. Может, встретится кто... Ну, с богом – а то замерзнет мальчик.

Она поплелась дальше. Тропинка пересекала склон, поросший соснами, особенно тесно они сбегались к устью оврага, затем извилисто взбиралась выше и выше, и через некоторое время женщина стояла и всматривалась вдаль, насколько хватало глаз. Правда, что-нибудь рассмотреть сейчас, сквозь непрозрачную снежную кисею было невозможно, и Алиман с тоской оглянулась на свои следы на пустынной тропинке.

Там, где обычно взору открывалась картина прекрасного горного пейзажа, теперь местами чернело что-то неразличимое: кусты или камни. Как же она обрадовалась, когда из снеговой заверти возникла фигура всадника, вся облепленная снегом. Алиман заторопилась к коню, чьи копыта увязали в сыпучем снегу на дороге. Однако верховой и сам торопился.

– Вечер добрый, мать! – воскликнул всадник, спешиваясь. – На ночь глядя, одна, что вы здесь делаете? Не случилось ли чего?

По скороговорке, по хрипловатому фальцету старуха узнала путника: чабан Кызайбек с конца лета пас отару в Медвежьей долине.

Алиман не ответила на приветствие, а, строго посмотрев на Кызайбека, заговорила:

– Ойбай, нет нашего Тлеу, с утра как вышел из дому, так вот и до сих пор... Ждали к обеду – не вернулся, уж и время ужина проходит. Днем он тебе не встречался?

Старушка и не заметила, как в волнении зачастила такой же скороговоркой, что и ее собеседник. Кызайбек камчой стряхнул снег с рукава.

– До сих пор нет? Когда он из дома-то ушел, говорите? Рано утром?

– Конечно! Как ты слушаешь, боже мой! Говорила ему: «Тлеу, куда спешишь, хоть выпись всласть...» Отвечает: «Мама, я присмотрел такое место, такое место, сам бог мне помогает. Вот увидишь, буду с богатой добычей. Вернуться постараюсь пораньше, так что не беспокойтесь». И вот!.. Не случилось бы беды.

– Да что вы в самом деле, – утешительно забормотал Кызайбек, – несчастье накличете. Перестаньте! Тлеу – молодой, сильный джигит, ловкий, осторожный. Погнался за зверьем, погоня и завела...

Но сердце самого Кызайбека пробороздила кровоточащая царапина сомнения. Свою неуверенность он старательно скрывал от матери Тлеу. А старуха не спешила отпускать собеседника – вдвоем легче размыкать предчувствие:

– Вблизи твоей отары он не проходил? Или, может, ты слышал выстрелы? – настойчиво допытывалась Алиман и с надеждой посмотрела на чабана.

Кызайбек за мгновение до материнского вопроса не думавший ни о каких выстрелах, вспомнил:

– Действительно, мать... Как раз в два часа дня я расслышал два выстрела – один за другим. Это – многозарядный винчестер, подумал я, а такое оружие только у Тлеу. Значит, это он ...

– Так, так, – лицо старухи Алиман просветлело, она выпрямилась. – Голубчик, какое утешение – встреча с тобой. Продолжай, бога ради...

– А спустя так минут пятнадцать – еще один выстрел, и все... – Кызайбек замолчал, пораженный тем, что последнее прибавление любого мало-мальски сообщающего человека должно ввергнуть в безумную тревогу – за три-четыре часа Тлеу давно добрался бы.

Женщина ничего не заметила и продолжала:

– Значит, его самого ты не видел. Ах, как жаль! На каком примерно расстоянии от твоей отары стреляли? Не можешь определить?

– Кто же знает точно! – Кызайбек вытянул руку со вдвое сложенной камчой в западном направлении. – Около вершины Терисаша, скорее всего... Неблизко.

Алиман вновь сгорбилась – ничего определенного.

– Хорошо ли, плохо ли, что он в той стороне...

– Мать, я вам вот что скажу: не терзайте вы сердца по-напрасному. Отправляйтесь домой, нечего здесь мерзнуть. Не докучайте судьбе, бога ради. Положитесь на милосердие Аллаха – не может он обойти своей заботой единственного кормильца семьи, надежду аула! Мне ехать пора, простите...

Кызайбек подтянул подпружные ремни, конь нетерпеливо перебирал захолодевшими ногами и стал пугливо приседать, когда чабан поставил левую ногу в стальное стремя.

– Поезжай, любезный! – напутствовала старуха, недовольная тем, что опять оставалась в одиночестве и неизвестности. – В аул заедешь?

– Само собой, – придерживая коня, заканчивал разговор Кызайбек. – Детей надо повидать, как они там, скучают без отца, наверное. Да и к заведующему фермой мне надо. Две недели назад обещал привезти корма. Ну всего хорошего вам, прощайте! Про сына не думайте, вернется, ему здесь каждая тропинка известна, не заплутает, не бойтесь. На обратном пути к вам наведуясь, с Тлеу повидаться надо.

Кызайбек коснулся конского крупы оголовком камчи. Слегка скользя ногами, конь стал спускаться по заснеженному склону. Местность погрузилась во мрак, снегопад не затихал. Нащупывая палкой дорогу, Алиман побрела обратно.

Протяжно заскрипела дверь из сеней в теплое жилье, и Алиман на пороге столкнулась со своей невесткой Жаныл.

– Господи, – с облегчением сказала невестка, сбрасывая с плеч наспех накинутый овчинный полушубок. – Я за вами собралась. Стемнело, да и холодно, вы не замерзли?

– Старым костям никакой мороз не страшен, – ответила она суховато, сейчас ей не было дела до беспокойства невестки.

Алиман долго разматывала теплый платок, кое-как вылезла из длиннополого толстого чапана, заковыляла по комнатам, втайне надеясь, что где-нибудь обнаружится возвратившийся Тлеу, уставший с дороги, с мороза и потому не вышедший встречать мать. Но тишина неумолимо свидетельствовала – кроме женщин и ребенка, в доме никого нет.

Обычно она расставалась с палкой около входной двери, а теперь, не выпуская ее из рук, присела на табурет около теплой печи. Силы покидали ее.

– Что же нам делать, Жаныл, как быть? – спросила она невестку и прикрыла щеку ладонью от палящего печного жара. – Что-то произошло...

Невестка немедленно отозвалась на тревогу свекрови:

– Что мы можем сделать? Ждать. Скорее всего вот-вот появится. Тлеу и раньше запаздывал... Помните, бывали случаи, он появлялся и среди ночи.

Жаныл даже слегка рассмеялась, но короткий смешок прозвучал столь принужденно и фальшиво, что она крепко сжала губы. Она знала, что если сейчас начать стенать вместе со свекровью, ничего хорошего из этого не выйдет. А ведь она не менее матери беспокоилась об отсутствующем муже; с наступлением заката несколько раз, накинув полушубок, выбегала из дома: пыталась хоть что-нибудь разглядеть в непрерывных нитях снегопада, но ни с чем возвращалась домой. И когда с сыном она ходила к роднику на дне оврага, с полчаса постояла на дороге, понапрасну дожидаясь Тлеу.

За опоздание она и схлопотала выговор от расстроенной Алиман.

От печи подал голос и маленький Данияр: ребенок не мог дожидаться ужина и с наслаждением ел кусок лепешки, отломленный ему матерью:

– Мама, а папа скоро придет?

– Боже мой, жеребеночек, птенчик наш, и ты скучаешь. Конечно же, как же... Больше всех. Солнышко мое, придет папа, скоро придет, не тревожься. – Алиман страхнула с себя оцепенение долгого ожидания, подозвала внука и, устроившись за низким столиком, посадила Данияра на колени.

Тишина. На потолке, на полу и бревенчатых стенах красноватые отблески печного огня, на столике слегка чадящая керосиновая лампа-семилинейка с закоптившимся стеклом, нижний край которого чуть надтреснут. Алиман очень переживает, потому что другого лампового стекла раздобыть негде, и дышать на лампу не позволяет.

Тепло, тихо, покойно в доме. От сухого жирного запаха сторовшего керосина чуть-чуть першит в горле. Сильно и сытно пахнет разварившейся бараниной. Жаныл накрошила горячего мяса, но Алиман ни к чему не притрагивается, только потягивает чай чашку за чашкой – невестка не успевает ей подливать. Пока струя кипятка разбавляла заварку, Алиман платком вытерла лоб и виски, но вскоре бисеринки пота вновь проступили на старческой коже.

Прочно выстроен дом, никакой буран не страшен, никакая непогода. И как бы ни колотился в стены ветер, ему нет хода дальше порога. В снегопад и буран собаки носа не кажут на двор, отлеживаются в сарае. Однако сейчас собак не слышно по другой причине – они вместе с хозяином на охоте.

– Ты сарай-то закрыла? – встревоженно спросила Алиман. – Забредет какая-нибудь зверюга, сожрет наши запасы. – Алиман положила худые, покореженные

подагрой пальцы на пустую чашку, откинулась назад. – Сборщики мяса когда быть обещали? Завтра? Не знаешь?

– Знаю, – сказала Жаныл. – Завтра за мясом должны приехать. Сарай я закрыла и замок повесила, когда мы с Данияром за водой пошли.

Неугомонный ночной шатун-ветер бесцеремонно ломится в дверь и окна дома, может, смилостивится хозяева, пустят погреться, а там и дальше можно празднично шататься и безобразничать. При каждом гулком ветровом хлопке, звучном шлепке снега об оконное стекло лица женщин становятся напряженными. Жаныл приподнимается с места, всматривается в тьму за окном, как будто можно что-то разглядеть в белом кипении снега. Алиман отодвигает с уха край платка, и если бы за окном пискнул комар, она бы расслышала. Но все тихо кругом.

– Ах, это все ветер! – разочарованно роняет Жаныл и грустно смотрит на старуху. Той только того и надо, горе рвется наружу, и терпеть его в молчании матери Тлеу неумоготу.

– Аллах, Аллах всемогущий! Как там мой светоч в буране? Не страхлась ли беда? Ума не приложу, что могло произойти. Нет, все, довольно, скажу твердо: «Сынок, больше тебя ни за что не отпущу!» Пропади они пропадом, все эти архары, тэки, улары... Всех людей разве накормишь! Вот и нечего голову класть за ненасытных...

Жаныл не прислушивалась к судорожной речи старухи, которая смирляла тревогу безостановочной болтовней. Алиман заставляла ее вновь подбрасывать дрова в жерло горячей печи, доливать воду в кипящий чайник. Разомлевшего от мяса и чая Данияра сон сморил прямо за столом.

– Может, все-таки хоть супы выпьете? – предложила Жаныл. – Да и мяса кусок не помешал бы. Подкрепитесь.

– Боже мой, что ты, какая еда – до мяса ли мне сейчас. Кусок в горло не полезет... Беспокойно осмотревшись по сторонам, Алиман, как бы вспомнив очень-очень важное, спросила:

– А шкуры?! Ты сняла шкуры?

В действительности Алиман, конечно же, прекрасно знала, что еще с утра, как только Тлеу ушел на охоту, Жаныл ободрала двух козлов, застреленных мужем накануне, вымыла шкуры и повесила сушить в сарае. Там же висят и козлиные туши. Старухе просто неумоготу молчать, вот она и теревит невестку.

– Да еще до обеда освежевала я козлов, – нахмурилась Жаныл и больше ничего не сказала. Нахмуренные брови означали: «Совсем расклеилась мать, что же теперь поделаешь – приходится терпеть».

– Э, точно, прости старуху – молочу бог весть что. Совсем ополоумела... Великий Боже, стань опорой моему единственному сыну! Он от ранения еще не оправился, мог почувствовать себя плохо, свалиться где-нибудь... О Создатель!..

Неподвижно сидит Алиман, тяжелым немигающим взглядом смотрит на невестку. А та не замечает взгляда свекрови, замороженная живосветящейся огненной окантовкой раскаленной до темно-вишневого цвета печной дверцы. За дверцей совершается таинственная работа огня – древней стихии, прирученной человеком, но в некое таинственное мгновение способной вырваться из-под непрочной хрупкой власти и предать все безжалостному разрушению. Потому-то и притягивает взоры печной огонь – символ стихий, в борении с которыми проходит человеческая жизнь.

– А, ладно! – встряхнулась Алиман, стала приподниматься, держась за поясницу, кряхтя потихоньку и проклиная свои старческие недуги. – Пойду взгляну, неужели все еще валит снег?

Некоторое время Жаныл продолжала смотреть на очаг, потом встала, чтобы проверить сыновний сон. Данияр смиренным ягненком лежал в своей постельке и еле слышно посапывал. Умиление, вызванное видом спящего ребенка, на несколько мгновений вытеснило непрестанную тревогу, снедавшую сердце женщины. С тем большей силой эта тревога возвратилась, и от внезапного страха Жаныл вся похолодела. При свекрови она изо всех сил сдерживалась, напускной суровостью и неприступностью старалась оттолкнуть, отвести беду от дома, веря, что и в мыслях нельзя допускать предположения о несчастье.

– Что же он! – с невыразимой мукой, в беспредельной тоске воскликнула Жаныл. – Боже праведный и милосердный, что же он не возвращается? Но я все вытерплю, я готова ждать, только бы Тлеу остался живой... – и зажала рукою рот, потом сжала пальцы, вонзая ногти в ладони, в порыве отчаяния больно кусая кулаки. Она подошла к окну – все то же за стеклом, за темным стеклом, в непроглядной темноте бурной ночи – зловещими белыми просверками мелькают снежные струи. «Может, остался ночевать у какого-нибудь знакомого чабана? Разве легко спустить добычу одному, барахтаясь в глубоком снегу... А поврежденное при ранении бедро, которое от долгой ходьбы, натруженное, свербит и ноет?..»

Жаныл замотала головой, пожалуй, впервые с такой отчетливостью представив опасности, повсюду подстерегавшие мужа, – высвободившееся воображение ввергало несчастную женщину в бесконечные мучения.

И все же самая зловещая примета – в ней Жаныл самой себе страшилась признаться: ни одна из четырех собак не вернулась домой. Ни одна! Не было еще такого случая. Если Тлеу кончал охотиться и отправлялся в обратный путь или даже заходил к чабанам на какое-то время, он подавал команду одной собаке бежать домой и там ждать возвращения хозяина. Мчится посыльная собака, оглашая окрестности разымчивым, заливистым лаем, из стороны в сторону мотается высунутый язык, влетит в ворота, словно сам повелитель преисподней за ней гонится, и повалится около крыльца.

Конечно, в доме поднимается суeta, то одна, то другая женщины выбегают посмотреть возвращающегося Тлеу, но порою несколько часов проходит, прежде чем уставший, еле переставляющий ноги появится сам охотник.

Недели три назад Алиман и Жаныл в такой тревоге дожидались возвращения Тлеу. И по дому метались, и места себе не находили, но только-только начало темнеть, под окном послышалось обессиленное взлаивание. С вечера женщины постелили кошму и шкуры поближе к печи, вздремнули. Жаныл вскочила первая, схватила с гвоздя полушубок, кинулась к двери, Алиман занялась огнем, который совсем было погас. Около крыльца колотили хвостами по снегу две собаки. В спешке, не приласкав псов, она выбежала за ворота – мужа нигде не было. Она вновь забежала во двор, бросилась к сараю, полагая, что муж решил прежде всего занести добычу в помещение. Однако на сарайной двери висел замок. Собаки, смирившиеся с тем, что хозяйке не до них, жадно глотали снег у крыльца.

Ночь ленивой черепахой тащилась к рассвету, измотанная тревожной бессонницей Жаныл не прилегла ни на минуту, а Тлеу появился лишь утром. Крепко досталось охотнику от жены и матери.

Алиман все же не упустила случая подразнить сына дерзкой шуткой:

– Так ты еще ходишь по земле, сынок! А мы-то решили, что ты в ангелы записался... – но долго выдержать тон старуха не могла и обняла сына, и всплакнула, признаваясь: – Совсем измучились мы, не знаем ничего, разное в голову лезет...

– Потому я здесь, что по земле хожу твердо, мать, – решительно ответил свежий с мороза, пахнувший снегом и ветром Тлеу. – И перестаньте вы, ничего никогда со мной не случится – запомните раз и навсегда. Нет такой напасти, с которой бы не справился Тлеу. Фронтовики не по зубам Иблису.

– Ой, расхвастался! Аш-шайтан хитрей тебя, – усмехнулась старуха, все-таки простившая сыну мучительные часы неизвестности. – Не искушай судьбу похвальбой.

– Да что судьба! – не сдерживая больше радости, воскликнул Тлеу, он не в силах был сейчас вообразить, что пережили жена и мать. – Вот вчера сам Аллах вместе со мной охотился на склонах Аратаймыра – какая добыча, мать, какая богатая добыча! Твой сын – великий охотник, мать!

– Пропади пропадом твоя богатая добыча со всей охотой вместе! – пылко воскликнула Алиман. – Смеешься, а что дома делается – ты подумал? Мы все глаза проглядели, ни сна, ни покоя не знаем. Верно говорят: «Коли странник на чужбине вытирает масляные губы, домохадцы умываются кровавыми слезами».

– Полно вам, мама! – примирительно бормотал Тлеу. – Что вы в самом деле... Теперь решили голодом уморить.

– Ойбай, – забыв про все, запричитала Алиман, – Жаникен, – лихо прикрикнула она на невестку, – поворачивайся – добытчик вернулся!

За столом уже выяснилась причина опоздания – темнота помешала охотнику своевременно покинуть дальние пределы, набрел он на чабанское становище Кызайбека, тот и приютил удачливого охотника на ночь.

От неожиданного дверного скрипа зрочки Жаныл расширились, она с ожиданием посмотрела на дверь: Алиман вошла сгорбленная, посеревшая, безнадежно махнула рукой и пошла, забыв прикрыть дверь за собой. Если бы не обреченность во всей фигуре старухи, можно было бы предположить, что кто-то идет следом.

Жаныл притворила дверь и обняла мать мужа:

– Матушка, простудитесь, пусть не такой сильный мороз, но зачем же... Что ж, опять, наверное, заночует у Кызайбека, не впервой, ночью-то добираться каково? – Жаныл через силу подбирала утешительные слова, но что-то невесело все это выходило.

– Пусть просится под кров хоть к самому шайтану, господь с ним, только б остался цел и невредим.

Алиман помолчала, отходя от мороза, вытирая старческие слезящиеся глаза и надолго замирая с платком в руке. Наконец она сообразила, что невестка упомянула знакомое имя и прибавила:

– Встретила я Кызайбека на дороге. Говорит, что слышал выстрелы, да только в другой стороне, от него неблизко. Впрочем, кто знает... Дом-то Кызайбека на месте остался.

И прекратились разговоры, выдохлись. Положив меж собою Данияра, чтобы не замерз ночью, улеглись спать обе женщины. Жаныл закрыла глаза, затихла. Там спит – не спит, а только ни глаз, ни рта не раскрывает. Миновала полночь, дело

пошло к рассвету, перестала дышать печь, потемнела остывшая дверца, огонек фитиля мигал-мигал, чадя остатками керосина, и наконец, потрескивая, сник. Женщины забыли заправить лампу, нужную в эту буранную ночь, как маяк на скалистом берегу моря. В комнате похолодало, от низа двери заметно потянуло студеным воздухом. В темноте комнаты старуха слышала свое сердце – оно билось сильно, часто, его тревожное биение напоминало ей далекое время, когда мягкими, глухими толчками изнутри подал знать о себе Тлеу.

«Не оставь нас, грешных, своей великой заботой, о Аллах, в смирении и покаянии проходят дни наши, не карай за провинность страшной бедою, пожалей несчастную вдову», – жарко шептала слова молитвы Алиман. Темнота, воцарившаяся в полуночном доме, нисколько не мешала ей видеть во всех подробностях ветхий войлочный ковер затейливого цветного орнамента – не старше ли он самого Тлеу раза в два-три? И почти тотчас в глухой тишине спящего дома старухе послышался, как наяву, голос ее неунывающего сына. Вот он снимает с ковра старенькую домбру – отцовское наследие – и говорит:

– Мать, садись, послушай, я сейчас сыграю кюй «Плач охотника». Знаешь, о чем?..

3

И возникает воспоминание. Два раза скрипнула дверь – все собирается Алиман смазать дверные петли, и деготь припасен, да все недосуг – и сна как не бывало. Алиман подняла голову: в дверном проеме рослая фигура Тлеу, левой рукой прижимает к груди охапку поленьев.

– Родной мой, ты уже на ногах? – укоризненно спрашивает сына Алиман.

– Не спится мне, вот и поднялся. – Тлеу, стараясь не шуметь, кладет поленья рядом с печкой и садится перед нею на корточки.

– Рань какая, – сказала Алиман, глянув в окно, – что-то ты нынче ни свет ни заря...

– Да вы-то лежите, куда вам спешить – набегаются за день. Печь разгорится, тогда уж всем вставать.

– Ты бы дождался рассвета – дороги не разглядишь – темень.

– Нет, нельзя – мне к козлам с солнцем надо поспеть, а не то разбредутся по склонам – пойди найди их потом. Из-за козлов-то и не выспался толком...

– Сынок, ты только поосторожней там, в горах. Не случилось бы беды. Все-таки грех какой...

– Господи! – с досадой сказал Тлеу, не решаясь резко оборвать мать с ее божливыми пророчествами, столь нестерпимыми для любого охотника – существа суеверного и мнительного. – О том, чтобы не стряслось несчастья, каждодневно молю Аллаха. Что до греха, пусть вина за него падет на войну, и Кырыкбаю божья кара – по заслугам. Я-то при чем – всего-навсего человек подневольный: мне приказали, вот я и стреляю...

– Сыночек, ты о моей тревоге помни, глядишь, и останешься невредим. Я твой характер знаю – не горячись в горах.

– Договорились, – миролюбиво заключил Тлеу и поставил чайник на плиту, от которой потянуло живым теплом; он снял крышку с чайника и налил в него воды из ведра. Немного воды попало на плиту, послышалось короткое шипение, и об-
лачка пара поднялась над печью.

Тем временем Алиман встала, оделась и теперь, также стараясь двигаться бесшумно, накрыла на стол. Она любила, когда сын вставал затемно, а невестка еще не просыпалась, так что ей выпадало самой заботиться о Тлеу.

Все эти маленькие материнские радости, конечно же, были давно известны ее сыну, и он, подчиняясь веселому настроению Алиман, не преминул и слегка подразнить ее:

– Что-то Жаныл заспалась, правда? Пойду разбужу ее.

Алиман знала, что сын поддразнивает ее и все же каждый раз огорченно восклицала:

– Боже мой, одной матери ему мало – ему еще и жену подавай. Что ты – напарником на охоту ее берешь, что ли? Пусть поспит, оставь ее в покое – ей целый день мотаться.

– Скажешь тоже, – постепенно поднимает голос Тлеу, будто в запале спора не замечает, что говорит все громче и громче, а сам давно слышит, что Жаныл поднялась и прибирает постель в спальне. – Небось, чаю напьется да и весь день в окошко глядит, скоро ли муж с охоты вернется – вот и все дела.

Нападок на невестку даже в шутку мать не переносит и бросается на сына:

– Да она за день не присядет: одно за другое цепляется – то воды принести, то обед приготовить, то козлов, тобою же добытых, ободрать, да мясо разделить, да посолить. – Алиман задохнулась в приступе праведного гнева. – А на дворе-то – не летняя пора!

– Опять мне достается от мужа? – весело подала голос Жаныл.

– О, господи! – с притворной печалью воздел руки Тлеу. – В кои веки хотел с матерью наедине чаю напиться, дать ей возможность побаловать сыночка, так на тебе – жена настороже, не дремлет. Ну раз встала, так и быть, присаживайся к столу, не обидим и тебе чаю нальем. Как, мать? Простим засоню, помилуем?

Алиман шутливо-рассерженно хлопнула сына по руке и также рассмеялась.

– Наконец-то вся правда известна, – Жаныл появилась в двери. – Чего ради вскинулся спозаранку и сияешь, как медный грош?

– Предчувствую, нынче настигну козла, что вчера ускользнул от меня. И спать-то не мог толком, только задремал, как тотчас в страхе проснулся...

– Привиделось что? – быстро отозвалась Алиман и придвинулась поближе к сыну.

– Вот только-только... Стою я с опущенным ружьем, как, нацелившись острыми рогами, мчится на меня огромный черный козел: глаза кровью налились, борода трясется, злая морда пеною покрылась. Тороплюсь, поднимаю ружье и стреляю, а спусковой крючок щелкает впустую – выстрела нет. Тишина. Козел близко, вот-вот проткнет меня рогами, прощай, жизнь! Вновь нажимаю на спусковой крючок – бесполезно, ни звука... За мгновение до того, как козлу меня прикончить, страшный сон оборвался. Проснулся в поту, сердце колотится... Ах, козел, сегодня пристрелю тебя – исчезай из моих снов!

Тлеу сделал последний глоток, отдал пустую чашку матери, тревожно вслушивавшейся в каждое слово сына, а сам встал и снял домбру, висевшую на ковре.

Легкими прикосновениями пальцев трогая струны домбры, подкручивая колки и вслушиваясь в тихие нестройные звуки, Тлеу внимательно смотрел на мать: мол, как понимать сей страшный сон?

– Э-э, сынок дорогой, я-то как раз толковать сны – не мастерица, – Алиман спохватилась и заговорила, не желая, чтобы ее задумчивое молчание истолковали нежелательным образом. – «Сон – помет лисицы» – так говаривали в старину. Не придавай значения, не бери в голову лишнего.

– Послушать бы самого Аллаха, он-то что сказал бы? Нет, чувствую, что вернусь нынче с обильным полем – по охотничьему присловию.

И зарокотали струны, наперебой, тесня друг друга, загремели победные звуки и стихли, и вновь грянули – торжественно, привольно, широко.

«Не к добру расхвастался, – кольнуло сердце матери, – никогда раньше за ним такого не замечала. Да и то – настоящим охотником стал, не желает приbedнаться».

Но вслух Алиман ничего не сказала, посмотрела на Жаныл. Мужнина похвальба не понравилась и ей. Она холодно заметила:

– Ребенка разбудишь – ни свет ни заря разыгрался...

Тем не менее, как бы поверх тревоги матери и жены, Тлеу попеременно бросал доброжелательные взгляды то на одну, то на другую женщину. А домбра не стихала, наигрыш сменялся наигрышем, пока неприметно не поплыла из-под сильных, чутких пальцев плавная протяжная мелодия. Завораживающие глубокой грустью звуки то приближались, то отдалялись, обволакивали печалью и примирительно призывали не подчиняться горю.

– Что это?! – спросила Алиман, расширяя глаза. – Этого ты никогда раньше не играл.

– Заметили? Это, можно сказать, и про меня кюй... слышал когда-то, вот сегодня вспомнилось, и смотри-ка! – словно сам возникает под пальцами. Этот охотник, как и я, гонится за горным козлом. Попробуй догони такого – со скалы на скалу перелетает, будто он – птица, будто оберегают его предки. А охотник сгорает от азарта, он карабкается по осыпям, цепляется за острые края скал, падает в ледяные ручьи, проваливается в трещины и выбирается, чтобы вновь броситься по следам Великого Самца-тэка. Кто распростер свою волю над охотником, кто благословляет его погоню – Аллах или дьявол, никто не знает, как не знает никто, чем кончится эта смертельная погоня. И плачет охотник, потому что нет ему пути домой без желанной добычи. Но нет ему и добычи в глубоких горных снегах, при свете высокого солнца. Вслушайся – вот он еле бредет по твердому снегу, а с поднебесья исчезают последние краски заката...

Мелодия стала запинаться, слабеть, стихая и разгораясь, подобно дотлевающему угольку в плотной груде пепла.

Заплакал, проснувшись, Данияр в соседней комнате.

– Что я говорила! – укоризненно сказала Жаныл, направляясь к сыну. Будь ее воля, вырвала она бы эту домбру, расколошматила о железный печной угол – еще день не начался, а вогнала в тоску-кручину.

– Проснулся, значит, пора, – все тем же спокойным тоном говорил Тлеу, его доброжелательного настроения, казалось, ничто не могло поколебать: ни ворчание матери, ни упреки жены.

– Давай его сюда! – продолжал Тлеу. – Нечего ему в постели нежиться.

– Ах, оставь ребенка в покое! Ему-то не на охоту, пусть поспит, мать приласкает его, вот он и заснет снова.

Алиман начинала сердиться, что-то в поведении сына вызывало неосознанную тревогу, и этот возбужденный голос, и эта печальная песня без слов...

– Вы его все жалеете, баловнем вырастет. Не нужно. Пошалить может, но и строгость не помешает. Жизнь – суровая вещь, не скрывайте это от Данияра!

– Сынок, – совсем рассердилась Алиман, – освободи старуху от заботы о Данияре! Скажи спасибо, что я еще скриплю. И строгость, и суровость – тебе заниматься воспитанием сына, так что не перепоручай!

Стремительный проигрыш стал музыкальной репликой в скрытом споре матери и сына.

– А вот это слышала, мать?! – спросил Тлеу и низко склонился над домброй.

Пальцы правой руки почти не касались струн, заметнее была работа левой руки, безостановочно колдовавшей над узким грифом, но все пространство заняла совсем горестная мелодия, в которой зазвучали откровенно трагические ноты.

Вся семья сидела за столом: Данияр, еще не проснувшийся окончательно, тер кулачками глаза, зевал во весь рот и расслабленно прислонялся к материнскому плечу.

Тлеу доиграл кюй, положил домбру за спину, наставительно поднял палец:

– «Плач охотника» – вот что я играл. Однажды с собой на промысел берет меткий стрелок сына, чтоб тот помогал ему – гнал под выстрел зверя и птицу. Да только случилось несчастье – под пулю попал как раз мальчик. Нечаянный выстрел – и нет больше сына. Несет погибшего на руках отец и сквозь слезы причитает... Позднее люди назвали мелодию «Плачем охотника».

И задумался Тлеу, замолчал. Как будто улыбается, а глаза грустные. Не ускользнула эта подробность от всевидящего материнского взгляда.

– Боже праведный, – заклинаяще произнесла Алиман, – и что это нашло на тебя нынче? Страсти-то какие, совсем напугал ты нас...

– Да не бойтесь вы, все будет прекрасно! Данияр, голубчик, иди ко мне, – и отец взял мальчика с материнских колен, поднял его перед собою, спросил, ни к кому не обращаясь, весь свет белый спросил: – Когда же ты станешь джигитом? Когда обопрешься о твою руку и ружье передам?

Он поцеловал сына в лоб. Сын не шевелился в отцовских объятиях, но все-таки вся эта чувствительная сцена была наполнена противоестественным напряжением.

– Чем же утешить тебя? – спокойно сказала Алиман. – Скоро сказка сказывается... Только бы Создатель не оставил нас своей милостью, а как подрастет Данияр, за житейскими заботами и не заметишь.

– Воспитайте его хорошим человеком, мужественным джигитом...

– Опять за свое, сам воспитаешь, как знаешь.

– А я каким был в возрасте Данияра, помнишь, мать? – резко и почти недружелюбно спросил Тлеу.

– Чего ж сравнивать, дорогой, те времена с нынешними!

Тлеу, не слушая, продолжал, как бы против воли вспоминая давние дни:

– Может, чуть только постарше я был... Поднимался затемно, бежал выгонять овец на пастбище. Замешкаешься, отец не пожалеет – так пройдет камчой по голой спине, что пулей из дома выскочишь. Тогда обижался на отца, а теперь знаю – он хотел закалить меня; жалеть, щадить – не в его обычае.

Жаныл никогда не знала свекра, но Алиман боялась пошевелиться – слова сына вызвали в памяти его отца – Биримжана, как живого. От вихря воспоминаний перехватило дыхание, и что-то еще мешало свободно чувствовать себя в это странное утро с непривычными речами Тлеу, с его непонятным настроением.

– Ну что ж, поговорили, почаевали, – сухим деловым тоном сказал Тлеу и поставил сына рядом со столом. – Иди, сынок, к бабушке.

В сторону Жаныл Тлеу почти что не смотрел, лишь Алиман, от которой ничто не могло ускользнуть, подметила странный – искоса – взгляд мужа на жену.

На несколько минут Тлеу вышел в сени, потом вернулся в комнату, держа в руках потертый патронташ добротной коричневой кожи и охотничий винчестер; он вынул из патронташа обоймы, грозно блеснувшие в мирной домашней обстановке желтым маслянистым сиянием, подержал на ладони, и они вновь исчезли в темной глубине кожаного гнезда; для порядка протер оружие замасленной тряпкой – но что его протирать, оно и так сверкало чистотой и ухоженностью. Жаныл подала мужу двугорбую масленку, однако он отложил ее в сторону за нынешней ненадобностью и спросил:

– Собаки накормлены?

– Ты же говорил – не особенно старайся...

– Да-да, конечно, перед охотой собак кормить... И все же, знаешь, добираться до коварного оврага долго. Там осталась похлебка?

Жаныл кивнула.

– Отдай им, пусть.

Жена вышла исполнить приказание мужа.

Тлеу еще раз проверил охотничье снаряжение, положил около двери овчинный полушубок, ватные штаны, огромный лисий малахай и вновь присел за стол.

– Ну вкусный же чай сегодня ты заварила, мать, на всю жизнь хочется напиться.

– Да пей, пей, бога ради, – потчевала сына старуха. – Целый день на морозе, когда еще вернешься.

– Ну все вроде...

Тлеу мгновенно обрядился в полушубок, вбил в сапоги ноги в толстых шерстяных носках, подпоясался широким офицерским ремнем с пряжкой-звездой, натянул на голову малахай, наклонился к сыну и поцеловал его на прощание:

– Давай, сынок, скорей становись джигитом!

Еще поклонился матери и быстро, не оглядываясь, вышел из дому. На дворе, чуть не повалив на землю Жаныл, к хозяину бросились четыре огромных пса. Тлеу держал ружье стволом вниз, нахмурившись, притворно строжась, поспешным шагом подошел к жене, пробормотал что-то ласково-обязательное, накоротке обнял ее и, закинув за спину винчестер, вышел за калитку. Сердце его неудержимо рвалось волю, в снеговые просторы, навстречу чему-то, чего не знает наперед ни одна живая человеческая душа. Смеясь и наклоняясь к собакам, с визгом прыгавшим в воздух, падавшим в снег и бросавшимся в распластанном беге далеко вперед с тем, чтобы, отмахав порядочное расстояние, внезапно спохватиться и стремглав нестись назад, в собачьем вертящемся, визжащем и вздымающем снеговую пыль клубке Тлеу удалялся от родного дома. Неподвижно стояла над низким широким котлом Жаныл. Не шевелясь, держа за руку прижавшегося к ней внука, стояла у окна Алиман. Старуха как бы слышала скрип сухого снега под сапогами сына, влаивание бодрых псов, что взрывали острыми мордами сугробы по обочинам, то и дело подсказывали к хозяину, настойчиво поторапливая как можно скорее заняться веселым и жестоким делом смертной охоты. «Родной мой, – думала старуха, – ты и не выспался толком, да и не поел по-настоящему. Боже мой, боже мой!»

У ближайшей к дому сосны только-только легли первые рассветные тени, ничуть не развеявшие холодную мглу зимнего утра.

Тлеу был теперь весь во власти одной заботы – как можно раньше оказаться на хребте. Ледяная преграда, путь к перевалу лежал через Медвежье урочище. Он шагал все более быстро и споро, ровным твердым шагом, собаки также втянулись и неторопливой пробежкой – два пса спереди, два – сзади в качестве почетного конвоя сопровождали хозяина.

4

Овражный склон обильно зарос сосняком; Тлеу берег силы, не торопился, обходил глыбы сугробов. Выбирать путь почти не приходилось – Тлеу побывал здесь уже после прошедшего неделю назад снегопада, и одинокая тропинка, им самим протоптанная, радовала глаза и сердце. Сосновые стволы высеребрила легчайшая изморозь, и под побелкою утреннего инея багряно-коричневой медью проступала шершавая чешуя коры. Он направился в западную сторону, вверх по Воровскому оврагу.

Таким лихим именем называли овраг неспроста; узкий, извилистый, он изобилует ямами и рытвинами, канавами и промоинами. Не выбираясь из оврага, можно попасть в три долины, по которым, собственно, и передвигаются зимой и летом жители этого края. А Воровской овраг природа сотворила словно нарочно для того, чтобы его русло, его склоны, плотно заросшие соснами, елями, кустами чингиля и таволги, служили укрытием для ворованного, похищенного, прятали от людских глаз грабителя и конокрада. Высокие деревья защищают овраг от обильного снега, так что и зимою путнику легче именно здесь пробираться к намеченной цели. Лет пятнадцать назад Воровской овраг приютил банду скрывавшихся от советской власти людей, с оружием в руках сопротивлявшихся созданию колхозов. Сколько крови пролилось, какие здесь гремели бои. Хорошо помнит Тлеу отцовские рассказы того нелегкого и непростого времени.

По южной стороне оврага Тлеу прошел к Сосновой долине, здесь овражное русло расширялось и как бы втекало в долину плавным, привольным разливом. Охотник остановился. Тело разогрелось, забыв ознобную колючесть рассветного мороза; Тлеу расстегнул воротник полушубка, за ним верхнюю пуговицу рубашки, от потной кожи потянуло легким парком. Вместе с хозяином прервали путь и собаки. Пока Тлеу не остановился, они с бесцеремонным повизгиванием носились взад и вперед по оврагу, вздымая снежную пыль и пугая воробьев, суматошно вылетающих из кустарника. Собаки то кидались к корням сосен, то барахтались в низких ветвях кустарника, то начинали рыть лапами снег с таким остервенением, словно намеревались вот-вот добыть из-под наста несметные сокровища. Одним словом, собаки, как могли, скрашивали себе долгую скуку пустынной дороги. Потревоженные пичужки, чью бесхитростную возню в спокойствии зимнего утра нарушило вторжение охотничьей своры, отлетев на недостижимую для собак высоту, неодобрительно косились на резвящихся псов черными бусинками глаз.

Сейчас все собаки чинно расселись вокруг хозяина, широко раскрыв пасти, из которых вывалились ярко-красные языки и вырывались клубы белого пара. Не просто усидеть в неподвижности столь беспокойным натурам, и они изо всех сил вытягивали передние лапы, прогибаясь в спине и ложась брюхом на снег, встряхивались и мотали головами. Крупные псы слабенько-просительно повизгивали, но

отлучиться, отбежать в сторону и не помышляли. Хозяин терпеть не мог, когда в горах кто-нибудь нарушал тишину. Прошлый раз Актос – Белогрудый, натасканный на крупную добычу, обнаружив куропаток, стал в охотничью стойку, но не дождавшись хозяина, бросился в щель между камнями и, басовито лая и рыча, разогнал птиц, а заодно и спокойствие раннего утра. Тлеу чуть не поколотил своего любимца. По крайней мере, тому пришлось выслушать о себе весьма нелестные хозяйские слова. Выволочка пошла на пользу не только Белогрудому – собаки ловили не то что слова, но даже настроение хозяина.

Из долины потянуло холодом, Тлеу, нашедший для передышки удобный камень, почувствовал, как по телу пробежала дрожь. Что же, конец привалу, пора продолжать путь. Он вновь крепко и туго натянул ремень полушубка. Тотчас обрадованно вскочили собаки и, весело насторожившись, посмотрели на хозяина, дожидаясь первого шага охотника, чтобы кинуться по тропе к незримой пока и непойманной добыче. Совсем немного оставалось до Медвежьего перевала, расположенного строго с востока на запад. К голым каменным плитам перевала со всех сторон подходят пастбища, летом здесь вдоволь вкусной травы, но и зимою есть чем поживиться козлам и архарам. Много солнца, тишина, простор – раздолье диким животным – заповедные места. Правда, Медвежьим назвали перевал не совсем справедливо. Мохнатые и летом-то редко забредают сюда, а зимою и вовсе обретаются в берлогах: попробуй разыщи их в лесных завалах и грудах бурелома.

Когда Тлеу впервые попал на перевал, козлы неопасливо расхаживали, лакомясь пожухлой травой. Изумившись, как много здесь горных козлов, Тлеу замер, не в силах открыть огонь по беззащитным животным. Некая подспудная, неосознаваемая полностью тревога неприятно ворохнулась в глубинах души, но вскоре долг добытчика превозмог все страхи. Поначалу Тлеу стрелял много, козлы один за другим падали под меткими выстрелами охотника. Но кровавая горячка первых удачливых дней вскоре кончилась – оглушительная пальба, смерть собратьев, запах крови, зловещими темными пятнами застывающей на снегу, напугали животных. Они и теперь держались кучно, но все время были настороже. Тлеу стремился появляться здесь с первыми солнечными лучами, однако ни разу не пришел незамеченным. Животные, заранее рассыпавшись на небольшие группки, издали следили за охотником, трубными криками предупреждали о его продвижении и загодя спасались от пуль, сильными прыжками перелетая с одного нагромождения камней на другое. Разозленный неудачей, обнаруживший себя охотник в бессильном раздражении смотрел, как в недостижимом отдалении горные козлы вытягивающейся в ниточку вереницей перебираются подальше от опасности. Дело дошло до того, что однажды Тлеу не удалось сделать ни одного выстрела: с восхода до заката промаялся он, пытаясь настигнуть ускользающую добычу, но животные так и не подпустили его на расстояние прицельного выстрела. Понапрасну потеряв день, он возвратился домой мрачнее тучи. Тлеу повесил винчестер, который, как и до охоты, пах ружейным маслом и металлом, а не сладковатой дымной вонью сгоревшего пороха, и дал себе слово – без добычи домой не возвращаться.

Нынче он следовал заранее обдуманному плану – спозаранку настигнуть козлов на лежке, загнать их в Ледяную ловушку, там-то в гиблом месте им некуда будет деваться от выстрелов.

Ветер с горных отрогов безостановочно дул в лицо охотника, но охотничий тулуп и штаны были непродуваемыми, и он шел против ветра почти не сбавляя шага:

ветер навстречу – несомненная удача, милостивый знак судьбы. Козлы не могли заранее расслышать его приближение, почуять страшный запах надвигающейся гибели. Шепотом приструнивая умных собак, и без того неслышно крадущихся по шершавому снежному насту, по ледяным камням нагорья, сам охотник сторожко следил за собой, чтобы опасным звуком не нарушить тишины. От долгой ходьбы сухость неприятно царапала горло, но Тлеу сдерживал кашель. Тишина стояла такая, что охотник слышал шуршание собственной крови; сейчас падение неприметного камешка могло прозвучать подобно выстрелу.

На Медвежьем перевале Тлеу вновь остановился, решая, каким путем следовать дальше. Его взор привлекла скала на восточном краю долины. Ну так тому и быть: еле слышным посвистом он послал собак вперед, сам пошел следом. Он опасался, что его заметят с какой-нибудь невидимой ему скалы, на которой царственно замер опытный и чуткий вожак стада. Коли заметит, тогда все пропало, пока он взберется на скальную вершину, пугливые животные, подчиняясь сигналу вожака, все до одного скроются в неприступных снегах горного массива. Временами Тлеу прижимается к земле, минуту-другую неподвижно лежит, напряженно вслушиваясь в звуки горного утра и поочередно оглядывая вершины, где может сторожить стадо недремлющий вожак. Он вслушивается и вглядывается, потом поднимается успокоенный – пока все идет хорошо, кругом никого не видно, не слышно. Собаки, понимая, что не имеют права оплошать, крадучись, поднимаются впереди хозяина.

Пот прошиб охотника, когда он наконец достиг вершины – нелегко дался подъем почти по отвесному склону. Все четыре пса покорно легли рядом с хозяином, положив морды на вытянутые лапы, не сводя с него разгоряченно блестящих глаз.

Дождавшись, пока сердце перестало напоминать о себе учащенными толчками, Тлеу направился дальше, чтобы оценить обстановку по ту сторону хребта. В глаза грянул могучий, остроконечный, весь в недостижимом величественном сиянии ледяного блеска Хан-Тенгри – истинный Царь горных духов. Соседствовавшие вершины, конечно же, не могли соперничать с ним высотой. На запад от Хан-Тенгри громоздились скалы, гряды низких гор; теснясь, наползая друг на друга, они терялись из виду в сизо-аспидной дымке дальнего тумана.

И с восточной стороны взору представала подобная, смущающая душу картина: горбились скалы, титаническим каменным пространством преграждая подходы к неприступному конусу Хан-Тенгри, надменно вонзающемуся в небо. Сколь разнообразен контур каменных громад, как причудлив рисунок, как прихотлив узор – можно часами вглядываться, не отрываясь, погружаясь в созерцание, как погружаются буддийские монахи в состояние блаженной отрешенности. Тлеу вспомнил про Ледяную ловушку – за нею начиналась Долина гибели – Жамансай. Ах, каким морозом, какую нестерпимую стужу повеяло со стороны Хан-Тенгри! Конечно же, не холод пробирал сейчас до костей стоящего на горном солнце охотника, а зрелище расстилающихся под его ногами низин, ущелий и потрескавшихся от времени скальных стен. Не отрывая взора от ясно различимых подробностей горного пейзажа, Тлеу нигде не мог найти того, кого искал – хотя бы одного горного козла. Они здесь, они несомненно здесь – бесстрашно пасутся в лощинах, жуют жесткие альпийские травы, чувствуют себя в безопасности, скрытые от постороннего взгляда скалами, охраняемые матерым вожаком.

В высокогорной беззвучности протекало время, поднявшееся солнце плавилось в красно-голубой купели небосклона. Зарево восхода постепенно бледнело, зато безжалостнее свирепствовал на вершине пронзительный ток ветра. Собаки отыскивали укрытие ниже перевала, каменный затишок, оттуда и поглядывали на хозяина. Тлеу спустился ниже, потер голыми ладонями щеки, нос и подбородок. Прислонившись спиной к камню, он слушал, как над головою свищет жестокий ветер, а в укромном приюте чистое вещество непотревоженного воздуха – его можно пить, наслаждаясь, как драгоценную влагу – в нем ни дыминки, ни пылинки, никакой иной посторонней примеси.

Передохнув, Тлеу вновь поднялся на гребень. На первый взгляд, ничего не переменялось здесь, в пустынном царстве снегов и льдов. Однако от зоркого взгляда охотника не укрылось легкое шевеление темного пятна на одной скале. Не пошевелившись, Тлеу пристально всматривался в возникший силуэт. Движение повторилось вновь, и явственно обрисовались кончики козлиных рогов. «Боже мой! – он, конечно, не вскричал в полный голос – это было внутреннее ликование. – Оказывается, козлы здесь». Так, теперь нельзя медлить; подобраться к козлиному стаду напрямую, разумеется, и пытаться не стоит.

Он отправился в обход, одними губами повелительно оповестив собак; Тлеу спускался вниз, забирая вправо. Охотник пробирался между громадными камнями, такими громадными, что достаточно любому просто-напросто сдвинуться, как от человека останется одно воспоминание. Малахай он натянул поглубже, чтобы верх шапки не обнаружил его передвижения. Собаки, легко переступая лапами, от него не отставали, но и не забегали вперед. Поскольку ветер шел поверх гребня, много выше пробирающегося в обход охотника, Тлеу прямо-таки взмок – глаза щипало от соленой влаги.

Тем временем направление ветра переменялось, и охотник уже беспокоился, не донесется ли до ноздрей царственного вожака запах, а двигался Тлеу в облаке крепких запахов: пот, полушубок из шкур, дубленных кислым молоком, ружейное масло, сталь смертоносного ствола, наконец – собаки. Одного подобного запаха вполне достаточно, чтобы осторожные тэки снялись с места и умчались вдаль, избавляясь от смертельного соседства.

Пробираясь между камнями, Тлеу уперся в гигантскую сердцеобразную скалу, ее пришлось огигать по каменистой осыпи подножья. Здесь начались мученья: поднявшись на три-четыре шага с превеликим трудом, он неотвратимо соскальзывал вниз – съезжал по круглым камешкам, как по раскатанной ледяной дорожке. Пот заливал лицо. Малахай давно был снят и всунут за пазуху, винчестер висел за спиной, но и обе свободные руки не помогали преодолеть осыпь. Тлеу в бешенстве шепчет ругательства. А мелкие камешки, только тронь один, шуршат, звонко пощелкивают друг о друга, предательски оповещают всю округу, что здесь тайно пробирается стрелок. Было бы время, обошел бы десятой дорогой проклятое место, а будь подальше сторожкие животные, с разгону преодолел бы семь-восемь метров преграды одним махом – и вся недолга. Однако не было у охотника ни времени, ни возможности одним духом перемахнуть осыпь.

Собаки не колебались. Два пса уже пересекли опасное пространство, а теперь они сидели у верхнего края осыпи, умными глазами наблюдая за хозяином и за оставшимися товарищами. Две другие собаки ползли вверх неуклонно, всем брюхом

прижимаясь к каменистой поверхности. Раздумывать дальше нечего, и Тлеу тоже почти ложится на осыпь, медленно переставляя ноги, поднимается выше и выше. Так завершились муки переправы.

По расчетам охотника получалось, что скала, на которой оберегал стадо вожак, должна оказаться в это мгновение прямо перед ним на расстоянии выстрела – Тлеу, затаив дыхание выглянул из-за каменного гребня, путь к которому так вымотал его. Он сразу разглядел могучего самца – столь же красивого величественной красотой создания Творца, что и высящийся точно напротив него белоснежный великан Хан-Тенгри. Козел не поворачивал головы, Тлеу счел это величайшей удачей и стал потихоньку стаскивать винтовку.

Конец недолгой радости пришел мгновенно: козел, по-прежнему не смотря на Тлеу, издал горловой хрипловатый посвист, сильно ударил копытом о камень, будто хотел расколоть его, прыгнул в сторону и пропал из виду. «Ах, ты, Господи, пророк Магомет, все предки и потомки его... – помянул в сердцах всех на свете незадачливый охотник. – Что же испугало вожака? Секунды не прошло, как я появился». Разгадка не замедлила явиться – на расстоянии брошенного аркана, на обозреваемое отовсюду возвышение взобрался Джульбарс. Он заколотил хвостом, как только Тлеу глянул на него.

Решив, что более скрываться незачем, Тлеу щелкнул предохранителем и, распрямившись, побежал вверх. Тотчас бросилась в глаза вереница козлов, пробиравшихся по противоположному склону. Первым, высоко поднимая голову, увенчанную огромными серповидными рогами, прыгал черношкурый красавец – тэк. Сожаление, что обнаружил себя раньше, чем следовало, нестерпимым огнем сжигало нервную душу охотника.

Казалось, что Хан-Тенгри высился и касался неба почти что рядом с охотником, но то была обманчивая близость: перед легендарной горою теснились скалы и ледники, пропасти и долины; горная гряда постепенно понижалась как с западной, так и с восточной стороны и оканчивалась двумя долинами. Именно на восток от Хан-Тенгри, в сторону Ледяной ловушки нужно загнать убегающих козлов. Стоит горному стаду повернуть на запад, пройти окраиной подножия великой горы, как и гнаться за ними бесполезно – там их не настигнет никакая погоня. Тлеу не стрелял, хотя животные были на досягаемом расстоянии – план его был хитрее – он хотел все стадо загнать по восточной дороге в Ледяную ловушку. Попадавшуюся на пути каменную осыпь теперь охотник преодолевал в несколько прыжков, ни на минуту не теряя из поля видимости вереницу животных. Но вот он, самый страшный момент: добравшись до развилки скал, головные животные поворотили на запад – прочь от Ледяной ловушки. В бешенстве неудачи Тлеу вскинул винчестер, намереваясь поразить вожака, а остальные – бог с ними – пусть уходят, такова неверная доля охотника. Однако инстинктивно Тлеу взял вперед и выше. Выстрел прозвучал, потом другой. Пули защелкали по скале, выбивая облачка каменной пыли. Вожак остановился и тотчас решительно повернул на восток. «Вот так-то хорошо, благодарение богу! – размягченно прошептал Тлеу. – Там-то мы и встретимся...»

С четверть минуты только он понаблюдал за движением тэков и дал команду собакам гнать животных – теперь чем скорее им отрежут путь на запад, тем вернее осуществится кровожадный план добычи козлов. Собаки, едва сдерживавшие страсть, с воем и лаем бросились вслед рвущимся подальше от опасности и уско-ряющими свою гибель животными.

Белые светильники вершин только подчеркивали грозное величие главенствующего над пейзажем Хан-Тенгри. Багряные краски восхода погасли, чтобы ближе к вечеру возродиться на западе цветным великолепием заката. Зеркальная гладь голубых ледниковых языков, резкая белизна снегов зверски слепят глаза. Стремительно продвигающийся на восток Тлеу, сощурившись, смотрит на пиршество черного, белого и индигового цвета, он почти спокоен за исход сегодняшней охоты. Опыт и чутье бывалого зверобоя позволяют ему продвигаться почти без задержек по наивыгоднейшему маршруту. Он видит сорок, а может быть, и пятьдесят козлов, которые резво, словно играючи, уносятся вслед за вожак. Через несколько минут он видит, что козлы достигли края подножия Хан-Тенгри, один за другим проскочили под ледяным навесом и выбрались к пустынному каменистому руслу, по которому летом сбегает талая ледниковая влага. Дальше – вверх – одни голые скалы, государство голубого льда и чистого снега. Вожак, не раздумывая, не останавливаясь, стал подниматься по гальке обнажившегося ложа.

Пока все шло превосходно и веселило охотничью душу, несмотря на то, что легкие кузнечными мехами распирали грудь. Была еще одна опасность – козлы могли пробежать по противоположному каменистому склону до поворота на Медвежий перевал и повернуть вниз, то есть уйти за спину охотника, но все-таки он надеялся достичь верхней точки Медвежьего перевала вместе с преследуемыми.

По правую руку неприступным созданием природы по-прежнему громоздился Хан-Тенгри. Золотисто-белый солнечный диск поднялся над горными вершинами и хребтами на длину наконечника стрелы. На перевале Тлеу увидел, что стадо, действительно, разделилось на две части. Первая помчалась вниз, и было ясно, что обрела спасение, – охотник не спускал глаз с другой половины стада, уходившей прямо в горловину Ледяной ловушки. Истинным капканом, местом гибели служила эта прямая, как копье, скала, обозначающая начало перевала, ведущего от Гибельной долины к Хан-Тенгри. На обнаженной восточной стороне скалы не держится снег, остальные склоны зажаты панцирем вечных льдов. Исстари охотники округи загоняли козлов по каменистому склону и почти без промаха били животных, когда те выбирались из горловины ущелья.

Собаки Тлеу преследовали стадо по пятам, но тэки, не обращая внимания на собак, неслись своей дорогой. Вот бесстрашный вожак двумя прыжками преодолел каменный завал, за которым, собственно, и скрывалась Ледяная ловушка.

Пора было стрелять. Тлеу почувствовал пронзительность дующего на гребне ветра – натянул малахай. Сколько ему предстояло провести здесь времени, одному богу известно. Металлически-чеканно лягнул затвор винчестера, Тлеу прицелился. Он нажимал курок спокойно и размеренно, как на стрельбище. Один, потом второй козел с разбегу повалились вниз, а остальные... Оказавшись как бы в каменном тупике, остальные заметались как раз над головой Тлеу, полетели камешки и камни – грозные предвестники все сметающей лавины. Козлы носились взад и вперед, не решаясь перепрыгнуть ледяной натека, будто попали в сети ловца. В поле зрения охотника они появлялись на доли секунды – этого недостаточно, чтобы точно прицелиться. Нет, отсюда стрелять неловко, к тому же застреленный козел подобно тяжелому валуну может, падая, увлечь за собой и самого стрелка.

Тлеу решил переменить место, собаки не возвращались. Он осмотрелся. Небосклон наполовину оделся легчайшим непрозрачным туманцем. Поднявшись над горными вершинами, солнце отчасти скрылось в жемчужно-опаловой туманной

кисее. Охотник присел на камень, чувствуя себя чабаном, загнавшим сытых овец в кошару. Работа выполнена, можно и передохнуть. Аллах не оставит его, и козлы, попавшие в западню, должны достаться ему, смелому и настойчивому охотнику.

Устье Гибельной долины расходится двумя ущельями. Одно как раз заканчивается Ледяной ловушкой, другое круто поворачивает на восток и завершается высокой отвесной скальной стеной. Чтобы разглядеть, что совершается сейчас в каждом ущелье, охотнику следовало взобраться на вершину небольшой скалы.

Загнанная в ловушку часть козлиного стада теснилась сейчас у самого края ограниченного каменного пространства, с одной стороны которого зияла пропасть, а с другой сверкала голубизна льда. Козлы не решались броситься по льду, подбегали близко и отступали, все время толкая друг друга, тонко блеяли и все более суеились и метались.

Забравшись повыше и подыскав подходящий камень для упора, он положил на него винчестер, попросил помощи у Аллаха и прицелился в крупного самца, что держался повыше прочих товарищей по несчастью. Прогремел выстрел, и тотчас козел свалился вниз. Этот выстрел преисполнил сердце стрелка гордостью. Он заранее предвкушал, как будет рассказывать о сегодняшнем дне, о погоне, о том, как хитро заманил животных в ловушку. Он азартно глядел, как прямо перед ним метались по площадке обезумевшие козочки. Бесперывно надрывались собаки – эхо громадным гремящим комом катилось по извилистому ущелью. Чтобы прицелиться точнее, Тлеу прислонился спиной к вздрогнувшему от его прикосновения камню, изъеденному ветром и водою. Иногда он вообще ложился на живот и стрелял, стрелял. Животные, не имея возможности спастись, падали и падали. Над скалой поплыло голубое дымное облачко, в воздухе распространился сильный едкий пороховой запах. Злая горячка охоты завладела человеком. Зачернели на каменной площадке подстреленные туши, иные животные корчились в предсмертных судорогах. Можно было и остановиться, однако никак не попадал в прорезь прицела громадный красавец-тэк, скорее всего, замыкавший стадо второй вожак, он метался на площадке, ни на мгновение не останавливаясь и как бы предугадывая направление летящей пули. Комочки смертельного свинца понапрасну плющились о камень. Маленькие облачка пыли свидетельствовали об очередном промахе.

Ловкость и увертливость козла привели Тлеу в ярость. Он весь взмок, и только спешка не позволяла ему отвлечься, чтобы сбросить полушубок и малахай. Козел тем временем даже отыскал укрытие – спрятался за выступ скалоподобного камня, и охотник готов был с ножом в руках бежать к этому камню. Однако пришлось смирить ярость и стрелять по камню, надеясь напугать козла. Действительно, лишь пуля щелкнула в верхний гребень камня, козел на мгновение подскочил и стал виден весь, но тотчас последовавший выстрел был, что называется мимо цели: козел нашел новый щит, правда, рога и часть узкой морды остались на виду.

Давняя, мимолетная мысль о хитром и сильном противнике на мгновение проскользнула в разгоряченном сознании Тлеу. Он не придал ей значения, предчувствие не шевельнулось в душе. Охваченный дрожью нетерпения, он рассчитывал, что рано или поздно козел полностью высунет голову из-за камня, вот тогда-то придет ему конец. Не спуская глаз с горделиво изогнувшихся могучих козлиных рогов, охотник вплотную придвинулся к камню, щербатому, в трещинах и пластинчатых разломах. Камень замер на самом краю скальной площадки, слева темнел провал, окольцованный горами, столь высокими, что солнце, лишь находясь в зените,

касается его дна. Тлеу укрепил ствол винчестера и стал искать в прорезь мушки вожденную козлиную голову. Правая нога стояла неловко, и охотник, стремясь поставить ее прочнее, на мгновение перенес тяжесть тела на левую ногу. Голова козла высунулась из-за скалы. «Эге-гей» – счастливо выкрикнул Тлеу и нажал курок, но долей секунды раньше камень внезапно поддался, локоть почувствовал пустоту, ствол задрался вверх и пуля полетела в небо. Камень сорвался-таки, подточенный тысячелетней работой стихий, тяжелой глыбой рухнул вдоль отвесной скальной стены, а охотник, мгновение назад испытывавший блаженство от счастья удачи, канул в провал. словно тень большой птицы проскользила над снегами, прочертив быстрый темный след на поверхности горы, сторожащей покой Ледяной ловушки.

Собаки, заметившие исчезновение хозяина, покинули свой пост около входа в Ледяную ловушку и помчались в ту сторону, куда упал Тлеу. Обнаружив его распростертое тело, они залаляли жалобно и тревожно, почуяв внезапную и злую перемену судьбы. Почувствовав себя в безопасности, козел царственно и грациозно выскочил из-за валуна, спасшего ему жизнь, скачками понесся вперед, прочь от места смерти, за ним последовали самочки, оставшиеся в живых, и молодые самцы. Собачий лай только подчеркивал нарастающую горную тишину.

6

Проснулась Алиман внезапно, как от грубого толчка. Сердце колотилось, на лбу выступила холодная испарина. Смотря прямо перед собой, старуха в первые мгновения не могла понять, где она и что же произошло. Затекла шея, болезненно ныли руки и ступни, поясница совсем задеревенела. Алиман оглянулась на внука. Тому сладко спалось, и всем тревогам мира в этот предрассветный час заказан доступ в чистые сновидения невинного ребенка.

Невестка, свернувшись в клубок, лежала с закрытыми глазами, ее дыхания почти не слышно, так что оставалось догадываться – смогла ли она заснуть или, не разжимая век, борется сейчас с мучительной тревогой за мужа. И чем же могла помочь молодой женщине она – немощная старуха? Ей и самой требовались терпение и мужество, чтобы выстоять под пыткой неизвестностью и страхом за сына.

Алиман отошла к окну, про себя отметив, что в доме похолодало и надобно вздуть огонь в печи. Но к печи она не пошла, а, набросив на плечи толстый старый чепан, села около окна, чтобы рассмотреть густой ночной мрак.

В узеньком проеме окна нечувствительно для скорого взора начинался рассвет. Все более белил подмешивал он в черный омут ночи, все явственнее проступало дневное обличье мира. Что ждало ее в обретающем цвета и четкие линии мире?

Когда прошедшим вечером сгущалась тьма, казалось, что Тлеу вот-вот возвратится, завтрашний рассвет казался далеким-далеким временем, к наступлению которого все прояснится, и тревога исчезнет, как дым потухшего костра. Но вот и рассвет – а кому, как не ей, знать, сколь долго тянутся зимние рассветные часы? – заканчивается, а новый день не приготовил ей ничего, кроме беспокойства.

Она вышла во двор. От озорных щипков несильного морозца горела кожа на щеках. В другое время Алиман обрадовалась бы суровой ласке зимы, но сейчас она только запахнулась поплотнее, встречно засунула руки в рукава и посмотрела на небо. Звезды бледнели и исчезали, словно погружались в толщу мутной воды. От ясного звездного свечения уже и помина не осталось, лишь ледяной алмазной

капелькой светилась дольше всех оставшаяся на западной стороне небосклона голубоватая красавица – утренняя звезда.

Подобно узнику в тесной тюремной камере, Алиман ровными шагами вымеривала пространство двора. Она задыхалась от звенящей тишины, пустота окружающего пространства повергала душу в оцепенение. К ней не бросились, как обычно, собаки, в восторге предвкушения утренней кормежки. Сама Алиман безразличным взглядом скользила по изгороди, по хозяйственным постройкам по стенам родного дома. И наоборот – до рези в слезящихся от напряжения старческих глазах – всматривалась в поворот дороги, по которой вчера ушел на охоту единственный сын Тлеу. На мгновение матери померещилось, что вдалеке будто бы промелькнуло что-то похожее на движение человеческой фигуры, и Алиман вся напряглась, остановилась и подалась вперед. Минута проходила за минутой, а дорога, как была, так и оставалась безлюдной. «Господи, Всемогущий Создатель, не покинь моего сына, – просительно прошептала она, – помоги ему во всех бедах и несчастьях...» И вновь ни звука.

Она почувствовала, что замерзла, что не в силах больше одиноко горевать, и возвратилась в дом. Жаныл подняла голову с подушки и посмотрела на свекровь. Алиман присела перед печью, подгребая сухие щепки и тонкие сучья для растопки.

– Ой, мама, я сама сейчас, я сама. – Жаныл мигом вскочила с постели.

Алиман кивала головой в ответ на слова невестки и продолжала заниматься прежним делом: поворошив в печи вчерашнюю остывшую золу, положила растопку и, наконец, сказала:

– Что же нам делать-то, Жаныл? Надо идти искать его, – старуха сама поразилась, каким глухим стал ее голос за прошедшую, почти бессонную, ночь.

Невестка, как будто эти вопросы относились не к ней, пошла к двери. Старуха, лишь захлопнулась за невесткой дверь, позабыла о своем вопросе, перебирая в памяти столь встревожившие ее накануне охоты слова и поступки Тлеу, его до странности необычайное поведение. Зачем он спросил, каким был отец в молодые годы, в возрасте самого Тлеу? О, быстротечный мир, о, вечный бег времени! Алиман держала вытянутые вперед ладони перед огнем, все быстрее разгоравшимся в сумрачных печных внутренностях, и вспоминала, вспоминала...

Когда сыну было столько лет, сколько ее внуку Данияру, Биримжан – отец Тлеу – никогда не оставлял его дома, куда бы ни лежала его собственная дорога. Пока не подрос, сынишка устраивался впереди отца, на одном и том же седле. Но с пяти лет для Тлеу выделили отдельную лошадь, и Алиман с замиранием сердца следила, как вслед за отцом вдаль устремляется крохотный мальчуган, выпрямившийся, как натянутая стрела, упираясь ногами в высоко подтянутые стремяна. Своей цепкостью, смелостью и самостоятельностью напоминал он птенца беркута.

Когда сослали в Сибирь бая Айдарбека, богатейшего скотовладельца во всей округе, все его стада, все его имущество перешли в колхозную собственность. При дележе байского скота семье бедняка Биримжана тоже кое-что перепало: кобыла с жеребенком и корова с теленком. Самого Биримжана, недавнего байского батрака, поставили по-прежнему присматривать за отарой. Что ж, отказываться от привычного дела не было смысла, и с колхозной отарой Биримжан со всем своим семейством перебрался на Серединное пастбище. Кстати сказать: никогда Айдарбек не позволял чабанам брать на джайляу жен и детей, так что Биримжан впервые откочевал с

семьей. Восторгам Биримжана не было конца: «Раньше, рабами Айдарбека, мы из котла горя лакали похлебку несчастья, теперь жене и детям достанется на ужин не только горсточка проса. Есть и мясо, и молоко, и масло! Вот такие дела, Алиман. Моли Всевышнего, чтоб не переменял наше счастье. Вот Айдарбек пусть порастрясет жирок в Сибири. Нам судьба – стать байскими наследниками...»

Биримжан смеялся, очень довольный, как крепко пропесочил он отсутствующего Айдарбека. Такая похвальба не очень-то понравилась Алиман, но перечить мужу она не стала, тем более что в его словах была и правда: и о прежней нищете, и о жадности, высокомерии, похотливых похождениях жирного бая.

Биримжан, на рассвете выгоняя на пастбище отару, непременно брал в помощники сына. Сидя на спине смиренного вола, мальчик объезжал границы пастбища, присматривал за овцами. Отец обучал сына взнуздывать коня, седлать его, водить к ручью на водопой. Мать жалела сына, особенно когда отец поднимал его спозаранку.

– Пусть поспит... какой из него работник? – такими словами останавливала она Биримжана.

– Э-э, Алиман, сына жалею не меньше тебя: кроме Тлеу, кто еще есть у меня в этом мире! Да только верно говорят люди: «От ударов кобылы кости жеребенка не болят». Ничего с ним не случится, пусть приучается к делу, к работе и закаляется сызмала, что же ему расти бездельником и нахлебником. Сам, как вырастет, скажет нам спасибо, и перед людьми не совестно...

Эти добрые речи она понимала по-своему: не терпится Биримжану воспитать в сыне верного и надежного помощника. Вскоре после замужества Алиман родила погодков – сына и дочь. Биримжан обожал первенца. Сам-то он вырос сиротой, скитался по чужим юртам, кормился милостью людей и света белого не видел в постоянной нищете. Часами отец возился с малышом, восхищался его младенческим запахом. С утра до вечера колотилась молодая семья в беспросветной нужде, однако Биримжан сам не унывал и Алиман подбадривал: «Ничего, продержимся! Только бы Аллах сохранил сына – нашего кормильца в старости».

Однако вымолить счастье надолго не удалось. Повальная болезнь не обошла стороной и семью бедняка Биримжана. От тифа в одночасье скончались и четырехлетний сынишка, и младшая дочь. После смерти детей Биримжан замкнулся, перестал улыбаться, как-то сразу состарился, седина крутой солью посыпала и голову, и бороду сорокалетнего человека. О том, как горевала Алиман, лучше не вспоминать.

Как о великой божьей милости, просил Биримжан о сыне. Не было конца отцовской радости, когда через годы ожидания на свет появился Тлеу. Биримжан сиял от счастья и не знал, какими словами благодарить Алиман, принесшую в своем теле из непознанной глубины бытия драгоценный подарок Создателя. И все же сердечная рана от прошедшего горя так никогда и не затянулась полностью: временами взор Биримжана затуманивался нестерпимой печалью, он искал одиночества, и в такие дни ничто не могло его утешить.

Он пристрастился к охоте, не мог долго оставаться в доме, где рано или поздно настигали его душу горестные воспоминания. Частенько поднимался он еще до восхода солнца и успевал обойти с ружьем окрестные горы. Чуть повзрослевшего сына он заразил великой охотничьей страстью. Вместе они объезжали отдаленные, непотревоженные места в поисках дичи...

– Мама, я налила воды в рукомойник. Пора к столу – чай вскипел, сразу согреетесь, – ровным голосом сказала Жаныл.

«Держится молодцом голубушка, – подумала Алиман. – Не поддается несчастью». Набирая силу, гудел в печи огонь. Лицо старухи чувствовало печной жар, и вся она отогрелась, отошла от утреннего мороза. Тепла ей было мало – в огне чудилась какая-то поддержка и защита, и Алиман приблизилась поближе к печи.

Жаныл больше не сказала ни слова, налила свекрови чай, и сама взяла в руки горячую чашку. Алиман прислушалась к легкому дыханию Данияра и вспомнила, с каким умилением смотрела вчерашним утром на то, как Тлеу высоко вверх поднял сына и воскликнул: «Скоро ли станет Данияр настоящим мужчиной!» Вот как, оказывается, происходит на свете: жесткая ладонь одиночества коснулась теперь и сердца Тлеу, как некогда и его покойного отца. Тлеу затосковал о помощнике, о продолжателе мужской работы.

Алиман никак не могла утишить сухость в горле – пила и пила чай, ни на минуту не оставляя думы, что же делать, как лучше поступить.

«Кызайбек, скорее всего, возвратился в аул, что же не заехал, такой-сякой? Наверное, посчитал, что все в порядке... – Мысль о Кызайбеке слабой искрой надежды просверкнула в сознании: – Может быть, все-таки именно в его доме переждал зимнюю ночь Тлеу, а теперь возвращается и вот-вот... Может, как раз сейчас приближается».

Алиман встала из-за стола.

– Что вы, мама? – испуганно пробормотала невестка.

– Жаныл, милая, не сидится мне, – умоляюще прошептала свекровь, – схожу-ка к развилке, посмотрю на дорогу, может быть, возвращается с добычей мой сын.

– Господи, да пусть мороз отпустит...

– Что это за мороз... Так, пустяки.

– Ненароком поскользнетесь, наледь не заметите...

– Боже мой, поскользнусь, – приговаривала старуха, натягивая на себя чапан, отрешенно принимая помощь невестки. – Поскользнусь! Туда мне и дорога... Да я готова шею сломать, лишь бы с сыном ничего не случилось.

Не слушая более того, что говорила Жаныл, Алиман шагнула за порог.

Казалось, совсем немного времени прошло, но вновь начавшийся снегопад замел ее утренние следы; снег продолжал сыпаться с неба, терзая сердце старухи жалящей болью несчастья от новой непогоды. Крепко опираясь на палку, Алиман побрела к развилке.

Почти не приметно в чистейшем воздухе горной зимы веял легчайший ветерок, казалось, навсегда позабывший дерзкие повадки бурана – забияки и проказника. Морозный настой, в котором плавали снежинки, отдавал запахом то ли арбузного ломтя, то ли свежерезанного огурца. И кругом весь видимый мир охватывала тишина, ничем не потревоженная, ничем не оскверненная; никакого живого звука не слышалось, как ни напрягай слух. Оттого и казалась тишина тягостной и предвещающей несчастье. Будто убеждая, что все ее предчувствия неспроста, к старухе, лишь она поднялась на верхний участок дороги, поближе к развилке, зверем рванул ветер, вмиг от этого порыва оледенило сердце, душу, тело. Зато вновь, как по волшебству, очистилось небо, и снег перестал идти.

Придерживая свободно рукою воротник чапана, старуха всматривалась в лежащую перед ней долину. Дальние склоны темнели могучими соснами и свободной

от снега пожухлой желто-коричневой травой. Зато все остальное пространство слепило глаза белым сахарным блеском – сугробы и наметы шли до горизонта. Дорога, проложенная вдоль речного берега, изредка пропадала в каменных нагромождениях, а перед Воровским оврагом пропадала в выползавшем из ущелья тумане. О, этот проклятый Воровской овраг! Алиман и смотреть-то в его сторону не желала. Ни облачка на небе, ни тени, ясность, чистота и прозрачность воздуха, и лишь над Воровским оврагом – издавна пристанищем лихих людей – как нарочно серая мгла клубящегося непроглядного тумана.

Рукавом чапана вытирая слезящиеся глаза, Алиман сказала:

– О, всесильный Создатель, твоя немилость распространена над этим куском земли – и в стужу, и в зной овраг скрыт от постороннего взора...

И вправду, вечным неисчезающим покрывалом висит над Воровским оврагом туман. Даже летом, стоит только чуть-чуть потемнеть небу при приближении непогоды, как туманная наволочь глухой завесой опускается над ущельем. А в сезон весенних или осенних дождей Воровской овраг – словно сосуд, доверху наполненный сырой серой массой.

Поясница болела немилосердно, стоять не было сил. Алиман отыскала небольшой камень, по форме напоминающий сундук, присела на него, решив дожидаться здесь сына во что бы то ни стало, пусть пронзительный ветер и не пытается загнать ее домой.

...То памятное лето выдалось дождливым. Просторная Сосновая долина приняла на свои гостеприимные склоны Биримжана с семьей и всю большую отару. Алиман наслаждалась тишиной и спокойствием этого места – подальше от аульной суетни, забот, связанных с образованием колхоза, всего этого пустозвонного шума, пересудов, сплетен и прочего, от чего не спасешься никак, если каждодневно общаешься с людьми.

Первые дни Сосновый овраг и правда как бы отпаивал целебным настоем тишины уставшую от тяжелой зимы Алиман. Однако разве спрячешься от жизни, в какой бы тихий уголок ты не скрылся? Человек – невольник времени, и оно скывает его железными узами и забивает в колодки. Прежние владельцы скота не собирались мириться с советской действительностью. Они готовились вместе со стадами, табунами и отарами, прихватив как можно больше имущества, скрыться за кордон, причем настаивали, чтобы бедные родственники непременно присоединились к ним. Сомневающихся намеревались сорвать с места силой.

Поначалу Биримжан колебался. Лишь когда сослали в Сибирь Айдарбека, почувствовал себя увереннее: «Кто что мне может сказать, теперь здесь хозяин – я». Родственникам не нравилась самоуверенность Биримжана, его увещевали: «Обрадовался, что стал начальником над овечьими хвостами! А как отберут, да пинком под зад, да жену в коммуны, и детей – в общий сарай... Тогда как? Завопишь с горя, опомнишься, да кто тебе поможет? Не отрекайся от родни! Семейство Бекдаира наготове, мы к ним присоединимся и – в путь. За одну ночь перегоним скот через перевалы, на той стороне не достанут нас комиссары. Верно говорят, если пить яд, то вместе с народом!»

Эти разговоры ввергали Биримжана в состояние растерянности. Посоветоваться было не с кем. Заветного друга Биримжан не завел, так что оставалось в бессильном раздражении терзать жену одним и тем же вопросом, на который и она не знала ответа: «Откочевываем или нет? О, господи, хоть бы решиться – туда или сюда...»

А дни шли, не принося облегчения, не прибавляя определенности.

И вот поздним вечером, когда Биримжан, загнав овец под камышовый навес, только-только потянул губами первый, самый желанный глоток горячего чая, в жилище, волоча камчу, вошел дальний родственник сосланного Айдарбека Идрис. Такого встретить на пустынной дороге – поневоле душа в пятки уйдет: рослый, остроглазый, лицо жесткое, безбровое, неулыбчивое; всеми повадками напоминает вольного волка, скорого на расправу. Вот такой гость пожаловал к Биримжану прямехонько к вечерней трапезе.

Зверовато, но и бесстрашно оглядевшись, Идрис присел на корточки, не выпуская из кулака камчи, голосом ушедшего от погони хищника проскрежетал ласково:

– Э-э, Биримжан, к черту околичности, время не терпит. Я пришел, чтобы ты прямо мне сказал – здесь остаешься или вместе с нами... – Идрис намотал на свободный кулак хвост камчи. От Биримжана он не отводил волчьих глаз.

– Да не терзай ты меня, – с усилием выговорил Биримжан. – На чужой земле счастья искать? От родных могил... Здесь прах предков покоится.

– Ах, ты! Предков, значит, чтить! А твои сородичи что здесь оставляют, потвоему? Кучу дерьма или лужу помоев? Все покидают землю предков, потому что пришли сюда враги казахов, и они пока сильнее, и предатели народа им помогают. Так вот, им – месть Аллаха, а нам – его помощь и забота. Понял, Биримжан?

– Да ведь не все собираются в дорогу, – все еще возражал Биримжан. – Что кому на роду написано, я и здесь терпеть согласен...

– Вот и вразуми неблагодарного, – зло зашипел Идрис. – Какую чепуху ты мелешь, ты еще скажи, мол, небогат я.

– Так ведь вправду небогат, – верно ты заметил, – подхватил слова собеседника Биримжан.

– Молчи, блаженный! – Идрис колотил рукояткой камчи по раскрытой ладони. – Свои пожитки собрали такие же бедняки, как ты, если не победнее. Забрался в горы, отшельник, живешь одиноким медведем, вот и не знаешь ничего. Ты же из нищеты вылез, если правду говорить, благодаря помощи нашего Айдеке, пусть господь позаботится о нем, да и не он один поддержал тебя в жизни. А твоя память на добро коротка, словно обрывок веревки. Ты готов залезть в рабство к босякам и голодранцам. Эти овцы, что сейчас жуют сено в твоём загоне, чьи они? Сам знаешь – Айдарбека – твоего сородича. Если ты предашь родственников, смотри, тебе не миновать совестного суда Аллаха!

– Нашел, чем попрекать! – не менее зло выговорил Биримжан. – И загон не мой, и овцы не мои. Колхозное это добро, – сейчас он пожалел, что в руках у него нет камчи или дубины, тогда легче бы он вразумил Идриса. – В родственники меня записал! Ты же знаешь, что мои родители и я сам никогда дальше порога байской юрты не бывали. В холоде и голоде прожили всю жизнь; кость бросят, а мы и рады. Своего угла не имели. А как я служил Айдарбеку? Предан был всей душой – ни о чем ином и не помышлял. И вот теперь, когда не стало надо мной хозяина, когда есть семья, работа, когда я спокойно живу, ты предлагаешь все бросить и бежать, не разбирая дороги, чтоб жена и сын просили милостыню в чужих краях... Нет, не в коня корм твои слова, Идрис, этим не удовлетворишь!

– Значит, наш род пригрел змею на груди! Как жаль, что Айдарбек в свое время не догадывался об этом, голодным псом околевал бы ты на русской помойке! Да,

войлочный ком возомнил себя ханом! Только напрасно ты надеешься на долгую жизнь советской власти – разорят ее бедняки и оборванцы!

Идрис поднялся, так и не притронувшись к чашке с чаем, не взяв со стола кушочка лепешки.

– Вот тебе мое последнее слово. Бойся прогневать предков нашего рода! Посиди, поразмышляй, посоветуйся со своей совестью. Завтра не приду, жди меня послезавтра – будь готов к отъезду! – с этими словами Идрис сильно толкнул тонкие двери юрты и вышел, широко, мощно шагая.

Биримжан провожал взглядом незваного гостя и, когда тот садился на коня, проговорил твердым, окрепшим от решимости голосом:

– Никто не скажет, что я не чту предков! Так что нечего мне бояться!

Ни слова не слышалось в ответ, лишь топот коня грозно прогремел и исчез, растворился в темноте беспокойной ночи.

Все-таки визит Идриса взволновал одинокого чабана. Разве мог он предположить, что его не оставят в покое и не позволят самому решать свою судьбу? «А если вправду расправятся!»

В юрту вошла Алиман и тихо села рядом:

– Послушай, как страшно он говорил! Как поступим?

– Господи, не поеду я никуда! Они – как хотят, только я и с места не тронусь...

– Накличешь беду своей несговорчивостью. Кто нас здесь защитит – кругом ни души.

– О волке заботится Создатель, о собаке – ее хозяин. Что ж нам, покорными бабанами брести за Идрисом-погонщиком? Нужны же мы советской власти, неужели бросит на произвол судьбы? Не может такого быть.

Про себя Биримжан решил, что игры с волчьей стаей до добра не доведут, и собрался завтра же сообщить об Идрисе в район.

Алиман продолжала раскачиваться и стелать:

– Боже мой, боже мой, мы здесь на отшибе, ни души живой, ты от зари до зари на джайляу, с овцами, со мной никого. Идриса ничто не остановит, он на все способен... Не за себя и даже не за тебя – за Тлеу я боюсь. Отправить бы его в низину, так ведь никому я не доверяю...

Ночь напролет они проговорили и признались друг другу, что жизни без родной земли не мыслят, что никуда не поедут, что Тлеу брать с собой на выпасы пока нельзя, а в колхозе надо попросить подмогу.

На другой день спозаранку Биримжан запряг коня и отправился в аул, где и рассказал, ничего не утаивая, обо всех событиях последнего дня. Исповедальные признания Биримжана лишь подлили масла в огонь всеобщей тревоги. Среди жителей аула были и такие, что вначале совершенно добровольно вступили в колхоз, но потом, запуганные оставшимися на свободе байскими родственниками, отказывались от работы в колхозе, забирали заявления. Осмелели и бывшие байские приближенные. Вооружившись, они прятались в ущельях и оврагах, нападая по ночам на активистов, угоняя скот и поджигая колхозное имущество.

Председатель колхоза и бригадир послали к Биримжану на помощь двух смысленных парней, вооруженных, правда, допотопными дробовиками. На прощание сказали: «Любой ценой сообщи нам, когда появится Идрис».

Биримжан перестал дневать и ночевать дома, заезжая лишь раз в два-три дня. В назначенный день Идрис, как и думали все, не явился. Теперь его разыскивали на запутанных горных дорогах и тропинках. Биримжан появлялся среди ночи, измученный многими часами, проведенными в седле. Плотнo поев, он не оставался даже соснуть часок-другой – вновь отправлялся на поиски неуловимого Идриса. Парни пасли овец и сторожили становище Биримжана. Алиман не находила себе места в юрте, на каждый случайный звук стремительно выбегала наружу. Тлеу почти не отпускала от себя.

Изредка громыхал в горах одиночный винтовочный выстрел, но что означал он, узнать было невозможно. Может быть, это охотник забредал на досягаемое для слуха расстояние, но Алиман от всего пугалась и тревожилась. Она металась из стороны в сторону, толком не пила, не ела. А сколько молений послала она Аллаху в то роковое лето...

Подступила и осень, беспокойная и страшная неизвестностью. День за днем шли затяжные, желтые от сентябрьских листьев и скользкой овражной глины дожди. Они начинались одинаково: на горные вершины наплывали плотные серые тучи, напрочь скрывали остроконечные снеговые конусы, неотвратимо сползали по склонам, и вскоре повсюду сеялся ровный нескончаемый мелкий дождик. Долины, овраги ущелья застилались непроницаемым веществом тумана. Туманная пора помогала скрываться бандам. И конечно же, поистине опаснейшим местом все жители края считали Воровской овраг. Люди называли его дорогой грабежа и разбоя.

Повсеместно шли толки, что там ограбили крестьянские дома, там угнали скот, из уст в уста передавалась страшная весть, что банды расстреляли неугодного им человека. Разумеется, люди боялись, говорили с опаской и оглядкой, однако же постепенно бедняки понимали, что они обмануты, и нечего искать счастья в чужом краю: за кордоном их ждала та же нужда.

Вновь начали вступать в колхозы, возвращаться бедняки, что очень не понравилось приближенным Айдарбека. Верховодил бандитами – это было уже всем известно – жестокий Идрис.

Из сумерек возник Биримжан, вошел в юрту, сел, не раздеваясь, поближе к очагу, долго не шевелился – приходил в себя. Домашние не видели отца семейства несколько дней, сильно тревожились и теперь наперебой выказывали Биримжану свою радость.

– Помогаешь матери, сынок? – спрашивал отец, целовал Тлеу и нюхал его лоб. – Ты нынче за главного, старайся, не оплошай, на тебя вся надежда... Да и мне недолго осталось шастать по горным тропинкам. Зимовать станем поближе к людям.

– Господи, скорей бы кончились эти погони, перестрелки! – глаза Алиман с тревогой смотрели на мужа, но слова предостережения, уже созревшие, так и остались произнесенными.

– Проклятый Идрис, – в сердцах воскликнул Биримжан, – чистое горе с ним. В банде одни сорвиголовы, отчаянные, им сам черт не брат. При свете дня никого не найдешь – следов не оставляют, а по ночам одна-две семьи перебираются на ту сторону. Известны их посулы, угрозы, но ведь под носом у нас переманивают людей и переправляют через границу каждую ночь. Погода у бандитов в пособниках: никак не прояснеет. Там, в горах, как в холодном дыму, на расстоянии вытянутой руки пальцев не вижу. Такие дела...

– И что, они вооружены? – спросила Алиман, припоминая, что Идрис крутил в руках камчу, однако ни винтовки, ни револьвера она тогда при нем не заметила.

– А то нет! – с нескрываемой досадой ответил Биримжан. – Да не будь они при винтовках, давным-давно все были бы повязаны. А стрелки как на подбор, попадешься на мушку – живо ухлопают.

– Упаси Аллах от этого, – быстро встала Алиман, привычно уповая на небесного заступника. Округлившиеся от страха глаза она прятала от мужа, чтобы беспокойство о близких не притушило его храбрости и отваги.

– Нынешней ночью мы с пограничниками устроим засаду на пути Идриса и его приспешников. Часок-другой посплю здесь в тишине, а там – вновь к Воровскому оврагу... – Биримжан положил ладонь на пустую чашку в знак того, что чаепитие закончилось.

Два следующих дня прошли в полном неведении, в нарастающей тревоге. Не прекращался дождь, день почти не отличался от прошедшей ночи – низкие тучи почти что касались купола юрты. Рассвет третьего дня обозначил перемену погоды – еще ночью наконец-то прекратился долгий сентябрьский дождь, все вокруг дышало тяжелой холодной сыростью, за рдеющей облачной пеленой медленно тащилось по небосклону осеннее солнце.

Когда оно в неспешном движении добрело до зенита, Алиман услышала, что к юрте подъезжают всадники. Первого она узнала – черноусый верзила Нурум. Года три назад, когда в округе только начали создаваться колхозы, именно он мотался по аулам, проводил собрания бедняков, составлял списки скота и имущества, записывал в колхозники. Он почтительно, немногословно поздоровался с хозяйкой и прошел в помещение. За ним тотчас вошли его суровые спутники.

Строгая тишина наступила, когда все чинно сели возле пылающего очага – все эти дни Алиман беспрерывно поддерживала огонь, чтобы возвратившийся хозяин застал дома тепло и горячую пищу. Словно сговорившись, гости неотрывно смотрели на красные языки живого пламени, слушали треск пожираемых огнем веток.

Помолчав некоторое время и не дождавшись ни одного вопроса от хозяйки дома, – своим молчанием она надеялась заворожить, отвратить беду, – первым и единственным заговорил Нурум. Безразличным тихим голосом он расспрашивал об отаре, о том, какие запасы сделали к приближающейся зиме, что за помощник в домашних хлопотах и заботах подрастающий сын.

Алиман, вся напрягшись, изо всех сил сдерживая предчувствие горя, отвечала; слов своих она сама не слышала – мешал сильный шум в голове. Щеки ее пылали, и она все время, стесняясь непрошеного румянца, прижимала ладони к лицу. За всем этим она пропустила, как Нурум от расспросов перешел к рассказу. Все таким же ровным бескрасным голосом он повествовал о перестрелке в Воровском овраге, потом, запнувшись, упомянул, что бандитская пуля попала в Биримжана. Тотчас Алиман страшно закричала, расширившимися глазами она оглядела сидевших людей, скорбно опустивших головы и не сделавших ни единого движения, чтобы утешить ее. И по тому, что они не пошевелились и не раскрыли рта, Алиман поняла, что все кончено, что никогда больше не увидит мужа живым.

Очнулась она уже около тела Биримжана, привезенного из Воровского оврага. Она прошептала: «Опора наша подломилась...» и вновь свалилась в беспамятстве.

По сию пору не забылся тот день. Тлеу заменил в доме погибшего отца, совершая работу, от века заповеданную предками. А слова «Воровской овраг» заставляли с

того времени болезненно сжиматься сердце его матери. Да если к тому же горы покрывались грозowymi тучами и над проклятым местом повисало мутное туманное месиво, душу Алиман охватывала тревога, с которой она не в силах была сладить. Мрачная картина явственно напоминала старой женщине день смерти мужа, и в такие дни все валилось у нее из рук.

Вот и нынче, не отводя слезящихся от ветра и холода старческих глаз, смотрит Алиман в сторону Воровского оврага, откуда все эти годы ждала беды. Словно по наговору недоброй ворожеи, в опасном направлении отправился вчера на рассвете единственный сын. А вот она ни разу не прошла по Воровскому оврагу: может быть, силой материнской любви смирила бы чары заколдованного места.

За спиной всхрапнула лошадь. Старуха обернулась. Внизу, у поворота дороги, остановились сани. Пестрая серо-коричневая кобыла фыркала, от ее вспененной морды летели облачка белого пара, лошадиные уши стояли торчком, большие умные глаза, не мигая, смотрели на сидящую на камне старуху. В низких санях неуклюже ворочался возница.

Покинув приютивший ее камень, Алиман пошла к остановившимся саням. Из-за саней тотчас выскочила громадная лохматая собака, громко облаяла приближающуюся женщину. Хозяин, наконец-то выбравшийся из саней, прикрикнул на собаку, разом присмирившую. Подойдя еще ближе, Алиман узнала в вознице хромого Абдрахима. «Господи, что привело сюда в такую рань несчастного хромца?» – подумала старуха.

– Почтеннейшая, мир тебе и твоему дому. Как скот, как твое здоровье, что выматриваешь спозаранку?

– Слава Аллаху, пока все... А твои дела каковы – что семья, здоровы дети?

– Здоровы, здоровы, грех жаловаться. – Опираясь на палку, глубоко ушедшую в снег, Абдрахим внимательно и бесцеремонно вглядывался в Алиман. – Да все ли хорошо, все ли благополучно? Случилось что, лица-то нет на тебе.

– Ждали к вечеру Тлеу, да так и нет его. Вот и не знаем с Жаныл, что делать. Кусок в горло не лезет, ночь кое-как промаялись, вот теперь здесь дожидаясь, дома-то не вмоготу сидеть.

– Он, что, на охоту ушел?

– Именно так, до рассвета ушел. И ведь не по своей воле – это все затеи Кырыкбай – он заставляет моего сына скитаться в горах в поисках дармового мяса.

– Ах, твоя правда – не только ты от него терпишь. Кырыкбай сейчас в славе и почете – умеет чужими руками жар загребать. Вчера, сам видел, как он с матерной бранью бросился на супругу Акимбека за то, что не вышла на его каторгу.

– Пусть покарает Аллах его, – твердо выговорила Алиман, – пусть сполна отольются злодею наши слезы. Почти всю домашнюю скотину поотбирал, ссылаясь на прошлогодний падеж. На нашем горбу выезжает. Сказал, что на фронт надо мясо, и послал Тлеу стрелять диких животных. Грех-то какой! – Алиман приостановилась и концом платка вытерла глаза. – Черная душа сеет зло. Послушай, Абдрахим, что посоветуешь, как нам быть? Может, с сыном несчастье, его ведь искать надо... – Алиман скривила рот в произвольной гримасе, стараясь удержаться от слез.

Многоопытный Абдрахим от этих слов встревожился – он-то понимал, что ни с того, ни с сего не исчезнет здоровый мужчина, потомственный охотник, однако делиться невеселыми соображениями не стал.

Успокаивая старуху, он сказал:

– И что особенного! Твоему сыну не впервой скитаться в горах. Может, забрел к чабанам. И такое бывало, наверное, а? К тому же он не один, с ним – собаки.

Заметив, что Алиман, приободрившись, внимательно прислушивается к словам утешения, Абдрахим прибавил еще увереннее, еще внушительнее:

– Не тревожься понапрасну – все обойдется. Давай домой – схватишь простуду, еще сляжешь. Я вчера нарубил сухостоя в овраге, нынче надо вывести, дома топить нечем, ни дровинки в запасе... Сейчас заберу дрова и сразу в контору – сообщу начальству про вас. Конечно, искать надо... Но ты не терзайся, может, вот-вот сам появится.

– Если бы! Не знаю, не знаю... Что с ним, живой ли? Проклятие Создателю, сколько горя пережила, а ему все мало, все мало...

Старуха замолчала, сама не своя от того, что злое слово, обращенное к Всевышнему, произвольно вырвалось из смятенного материнского сердца.

Смутился и Абдрахим:

– Что ты, господь с тобою, Алиман?! Малому ребенку и то такого позволить нельзя. Держись, не распускайся, Аллах милостив!

Он взял лошадь под уздцы и захромал по снегу, собака, весело подпрыгивая, понеслась вперед, тотчас позабыв о старухе и о случайной остановке. Только сейчас заметила Алиман, пристально вглядываясь в удаляющуюся лошадь, что она не только запряжена в сани, но еще и оседлана. «Это еще что за новости, – озлобленно размышляла старуха, – лошадь в оглоблях и под седлом...» Однако она так и не поняла, к чему и зачем подобная необычность, и замерла в неподвижности – одинокая старая женщина на пустынной дороге, по которой протянулись двумя извилистыми линиями санные следы, ведущие в сторону все того же Воровского оврага.

7

Винтовочный выстрел, казалось, взорвал мозг охотника; плавающие осколки мира беспорядочно вращались со страшной быстротой. Непонятная сила втискивала в холодеющее горло все внутренности: легкие, сердце, печень, кишки, – будто именно для того раздирая их в кровавые клочья. Казалось, этот полет длился невероятно долго. Когда он захотел вдохнуть, воздух крохотной порцией протиснулся в легкие, не избавляя от вкуса желчи во рту. Да, еще он помнил страшный удар в основание спины, от которого тьмою заволочло сознание. Со стороны, окажись здесь человек, пугающее душу зрелище: темнеет на снегу фигура с бессильно разбросанными руками. Но не было никого в пустынности зимнего горного дня, одни собаки пустились наперегонки с громким лаем, скользя по зернистой поверхности слегка подтаявшего снега, местами проваливаясь в сугробы, с визгом выбираясь из холодной пушистой ловушки, а за ними – над проложенными следами – взвивалась тончайшая белая пыль, алмазно сверкавшая в свете во всю силу разгоравшегося солнца.

Добравшись до неподвижного хозяина, псы завертели мордами, оглядываясь по сторонам в надежде, что происшедшее само собою как-нибудь разъяснится. Они обегали тело хозяина, тревожно, взирая и оповещая весь мир о совершившемся несчастье. Они зывали к небу, чтобы вновь послышался спокойный повелительный хозяйский голос. И ждали помощи... Наконец они оставили бесполезное занятие – сколько можно лаять впустую, стихли и сели поодаль от распростертого на снегу

хозяина. Из разгоряченных пастей вывалились красные языки, от сильного дыхания наружу вылетали клубы пара. Собаки нетерпеливо облизывались и не сводили глаз с Тлеу. Они чувствовали, что человек перед ними еще живой, но почему же нет ни голоса, ни движения.

Непривычная неподвижность хозяина пугала собак, тихо повизгивая, они поползли к Тлеу, обнюхали его, лизнули голые ладони. Потом встали и долго смотрели на лицо, на закрытые выпуклые веки охотника. Как на огромной простыне вдавив телом отвердевшую снеговую поверхность, лежал и не шевелился хозяин охотничьих псов. Кроме почти неприметного дыхания, человек не подает никаких признаков жизни.

Собаки, склонив морды над хозяином, долго не решались отойти, наконец поняли, что нужно как-то действовать. Одна вцепилась в рукав охотничьего полушубка, настойчиво потянула. Бесполезно, никакого результата. Собака выпустила рукав и легла вплотную к хозяину, как будто своим телом хотела отогреть его, но человеческое тепло не пробивалось сквозь толстый тулуп и стеганные охотничьи штаны. Другие собаки отошли к гребню и расселись на видном месте, готовые броситься по первому сигналу в нужном направлении.

И вновь ни звука, ни поворота головы, ни призывно поднятой ладони. Ничего не переменялось в лежащем теле, и тоска забралась в сердце оставшейся подле хозяина собаки, и она отступилась, готовая подчиниться судьбе, какой бы горькой она ни оказалась. Теперь вся осиротевшая четверка сидела на задних лапах в отдалении, взяв в полукольцо неподвижное тело.

Так прошло около часа. Наконец охотник постепенно пришел в себя, хотя сознание работало с проблесками, возвратилось не полностью. Напрягая все силы, Тлеу приподнял нестерпимо потяжелевшие веки, однако они сами собой опустились, потому что глаза не осиливали небесного света. Он никак не мог осознать, что же с ним произошло и где он сейчас. Он чуть-чуть приподнял веки, чтобы посмотреть перед собою в узкую щелочку. И только матовый небосклон, окрашенный жидкой белесоватостью, открывался перед ним в необозримом просторе. Охотник попытался шевельнуться. Какое там! Ничего не вышло — тело не подчинялось человеку, словно обвит он крепчайшими пеленами и не может пошевелить ни ногой, ни рукой. Или придавила его к снегу каменная плита. Он даже не в силах понять, при нем ли руки-ноги, он их не чувствует. Глаза слезились, и все же, чувствуя сильную боль в глазных яблоках, Тлеу попытался бросить взгляд влево и вправо. Шея тоже болела и совсем задеревенела. Терзая шейные мышцы, сквозь лому в затылке, Тлеу наконец кое-как осмотрелся. Он увидел, что кругом сидели его собаки, не бросившие хозяина в беде. Теперь надо было хорошенько осознать свое положение и обдумать команды собакам. Надо вспомнить собак по именам, но сейчас на это у него не было сил и он отложил мысли о собаках на некоторое время.

Постепенно он как бы заново знакомился с местностью, куда занесла его судьба. За спиной одной собаки высилась бесснежная черно-гранитная вершина. Да и отовсюду нависали скалы, нагромождения камней, тускло отсвечивали ледниковые языки. Вспомнить, что же это за места, как они называются, Тлеу никак не мог. Он оперся ладонями на ледяную колкость наста, однако в груди и спине резануло так, что ему показалось — душа покидает тело. Человек уронил голову, еле-еле приподнятую над снегом. Сами собою закрылись глаза. Охваченное адской болью, пронзаемое тысячью игл, зажатое в тиски тело не шевелилось.

Сквозь мрак и горечь беспамятства Тлеу слабо слышал, как нервно повизгивают собаки. Представление о времени не исчезло, хотя часов у охотника не было, да если бы и были, какая в том польза человеку, лежащему без движения. Из пухлой толщи сиренево-палевых облаков, совершенно напрочь скрывших солнце, посыпались нечастые сухие снежинки. Человек пока мог совершать одно-единственное движение – открывать и закрывать глаза. Когда он шевелил пальцами рук или пытался проверить, действуют ли ноги – боль пронизывала его молнией. «Да кажется, попал в крепкую передрагу...» Время, как только скрылось солнце, стало неузнаваемым.

Постепенно пришло понимание, что волею судьбы он попал в провал, один из тех, какими изобилует Коварное ущелье. От страха сердце Тлеу сжалось: «Не выберусь, наверное... Коварное ущелье не возвращает своим пленникам свободу. Прошел фронтовое пекло, не погиб при артобстрелах и бомбежках, а попал в каменный капкан Коварного ущелья... И самому мне отсюда не выбраться».

Мучительная боль теперь помогала ему не впасть в окончательное забытие. Тлеу потихоньку разгребал правой рукою снег. Как ни странно, ему казалось, что здесь, на дне ущелья, не так и холодно. Долго он скреб пальцами, пока не нащупал нечто твердое. На камень неизвестный предмет не походил... «Ах, если бы мой винчестер... Не приклад ли сейчас под моими пальцами». Пальцы тем временем ощупывали бугорки, кольцообразные наросты, и охотнику стало ясно – это рога горного козла. Разочарование и приступ сильной боли заставили уронить ладонь и не шевелиться. Боль пылающим потоком стекала от затылка к пояснице, и Тлеу казалось, что тело вот-вот расплавится в раскаленной лаве.

Однако сознание не оставляло его, и он вспомнил, как в детстве вместе с отцом они охотились здесь, в Коварном ущелье. Перебравшись через Медвежью яму, они проникли в ущелье, издавна слывшее опаснейшим местом. На входе в ущелье отец нашел родник, стекавший тонкою струйкой прямо из скальной стены. От сладкой ледяной влаги мальчик, впервые совершавший серьезное охотничье путешествие, никак не мог оторваться, пока не заметил добрую отцовскую усмешку, снисходительно прощающую мальчишескую слабость. Оглядевшись, мальчик обнаружил вокруг родника скопление черепов и скелетов, нагромождение ветвистых рогов тэков и архаров. Изумившись, он стал расспрашивать отца. И тот рассказал сыну, что с незапамятных времен Коварное ущелье не только излюбленное место охоты на козлов – здесь же, около родника охотники разделявают туши животных, снимают шкуры; внутренности и мясо, промытые в родниковой воде, заворачивают в эти же шкуры – остальное бросают здесь же, не тащить же с собою рога и кости. К тому же возвратная дорога нелегка: каменные россыпи, кустарник, сквозь который не продаться. В летнюю пору, лишь увлекшись погоней за зверем, можно оказаться в Коварном ущелье, а зимою и нарочно сюда не попасть.

Биримжан объяснял сынишке все обстоятельно, без спешки. Откуда было ему знать, что настанет день и зимним пленником Коварного ущелья окажется сам Тлеу.

Желание выбраться из провала, чтобы никогда больше не забредать в Коварное ущелье, с такой силой захватило душу поверженного охотника, что ему показалось – через мгновение силы и здоровье вернутся к нему. Тем горше сжалось сердце от того, что ничего не переменилось.

Солнце никак не обнаруживало себя в плотном облачном пологе, распростершемся над обреченным человеком. Беззвучность казалась особенно глубокой

из-за странного серо-жемчужного освещения. Холода не чувствовалось – не было страха замерзнуть здесь. Может быть, там, на вершинах, свирепствовал ледяной ветер, но здесь царило мирное затишье. Одежда и шапка были непродуваемыми. Рассевшись поодаль, собаки по-прежнему стерегли любое движение хозяина. Пока они оставались с ним, человек верил в благополучный исход непредвиденного несчастья. Полежав немного в вынужденном спокойствии, он снова и снова, не понимая, зачем он это делает, разгребал снег около себя, насколько хватало рук. Ему удалось вырыть ямки по обеим сторонам тела, но когда ему пришлось в голову сравненье с полевой мышью, роющей себе нору, он почему-то рассердился и бросил бесполезное занятие. «Надо сохранять силы», – стучало в голове.

...Три года на фронте были столь тяжелы для Тлеу, что он не любил вспоминать о том времени. Особенных подвигов жителю горного села совершить не пришлось. Ныло раненое бедро, однако бывший солдат считал, что теперь на родной земле, в отчем краю ему любые невзгоды и тяготы нипочем, все он преодолест. Конечно, жизнь в ауле не отличалась достатком, никто не имел вдоволь еды и дров. Так ведь вся страна холодала и голодала, напрягая силы в борьбе с врагом. Зато не было на свете счастливей женщин, чем Алиман и Жаныл – мать и жена. А каким счастливым чувствовал себя Тлеу, наконец обнявший после всех ужасов войны сынишку. На фронтовых дорогах, в мокрой глине окопов, на поле боя и на госпитальной койке верил Тлеу, что обязательно вернется и вновь встретит всех-всех, с кем свела его довоенная жизнь.

Когда началась война, Тлеу командовал полудюжиной плотников, возводившей в горах бревенчатый дом под зимовку. В семье уже отпраздновали праздник разрезания пут – маленький Данияр самостоятельно совершал первые шаги по земле. Чтобы повидать сына, Тлеу ежевечерне возвращался домой, а на рассвете вновь отправлялся в горы. Один конец, как-никак, больше шести километров. Иной раз, заигравшись с Данияром, не замечал, как летит время, а когда ребенок засыпал, он еще подолгу говорил о нем с женой и матерью. Каким спокойствием, какой благословенной тишиной дышал их низенький домик на самом краю аула. Предчувствие, что придется расставаться с женой, сыном, с этим домом и родным аулом, заставляло его ловить каждый миг домашнего уюта. Его призвали через три месяца после начала войны. Сначала он маршировал по плацу учебного батальона, колол штыком соломенное чучело, вколачивал пули в черный круг на степном стрельбище. Но долго с его военным образованием никто возиться не намеревался – очень скоро он попал на передовую, где, замирая от страха, переживал артподготовку, где приходилось отражать и танковые атаки. Первое настоящее сражение для него состоялось в январе 1942 года. Осенью 1943 он попал в госпиталь с серьезным ранением, но уже через месяц был возвращен в строй. За отчаянность и меткую стрельбу его отличало начальство, и, может быть, до сегодняшнего дня бил бы он немцев, но летом 1944 его списали подчистую. В одном из сражений рядом разорвался немецкий осколочный снаряд. После боя его подобрала санитары; в госпитале попал прямо на операционный стол. Осколок вырезали из тазобедренного сустава. Оперировали старательно, но ранение оказалось тяжелым – выздоравливал Тлеу медленно. Вначале Тлеу и ходить не мог, лишь к концу третьего месяца, прихрамывая и держась за госпитальные стены, кое-как пошел на своих ногах. Конечно, от прежнего здоровья не все осталось. От контузии при ранении закладывало уши, ел он совсем по-

немного, иначе обед кончался тошнотой и рвотой. Присмотрелись к раненому врачи и списали. Помотавшись недели две по товарнякам, бывший фронтовик возвратился в родные места.

Отчая земля... Только ты и можешь исцелить человека от любой, хоть самой жестокой хворости; нет лучшего лекарства, чем воздух родного края, по травмам которого бегал мальчишкой. Куда девались шумы, тонкий неотвязчивый звон в ушах? Лишь ломота в бедре беспокоила порою, но и с ней примирился Тлеу, как с неизбежностью, и она не мешала ему чувствовать себя здоровым человеком...

Охотник вновь приподнял голову, посмотрел на небо и скалы. Побледнел, посуровел небосклон – погода заметно менялась. Фиолетовой мрачностью подернулись грозные скалы, словно стояли над ним исполнители жестокого приговора. «Боже мой, боже мой, – с тоской подумал Тлеу, – в сплошном огне, засыпанный землей, заброшенный снарядами и минными осколками, выбрался, спасся от смерти... Неужели здесь, в снегах Коварного ущелья останусь навек?»

Яростно вскинулся он, пожалев себя и возненавидев жестокую и слепую судьбу, зубы заскрипели и слезы брызнули из глаз. Опершись на ладони, он выпрямился и тотчас страшно закричал, так что собаки вскочили и ответно залаяли, – ничего не вышло, и человек вновь обреченно повалился на снег. Будто ахнули огромным топором поперек тела, точно прицелившись в солнечное сплетение, и развалили живого человека пополам. Огонь заметался в глазных впадинах охотника, словно достала струя пылающей жидкости из огнемета, потом все померкло и расплылось в чернильной темноте. Он снова лежал неподвижной колодой, снова вокруг тела замершего на снегу, покорно и терпеливо сидели собаки.

Но сознание на этот раз охотника не покинуло. Еле заметно дыша, человек все же прислушивался к себе и к тому, что теперь – почти без него – совершается на земле. Понять, где больше болит, он не мог, как не мог разобрать, замерзает или еще потерпит, справится с морозом. Кожи лица касались тонкие, чувствительно задевающие иголки.

Тлеу с усилием открыл глаза: так и есть – над ним протягивалось в высших сферах снежное облако, из него и долетали, добирались до земли крупинки, они-то и кололи игольчато лицо, которое ни повернуть, ни прикрыть чем-нибудь. Гонимое ветром облако и показало охотнику стороны света – оно двигалось на запад. День клонился к вечеру.

Но что же все-таки с ногами? Он тыкал в бедра, не отзывалось и раненое бедро, не чувствовал ни колен, ни ступней. Замерзнуть, намертво застыть они никак не могли, – следовательно, повредил позвоночник, вот они и отнялись. Охотник оставался распростертым на снегу, спеленутый болью и холодом, постепенно растающий с надеждой и в одиночестве готовящийся к самому худшему, что ждет в жизни смертное существо.

Сквозь сознание плыла и плыла щемящая мелодия. И как было не узнать ее знакомые звуки! Кюй «Плач охотника». Сколько раз Тлеу перебирал струны домбры, а теперь слышал музыку как бы со стороны. Так о чем же эти стенания? О круторогом козле, но и о гибели любимого сына, застреленного своею же рукой. О своей жизни, о смертной участи всего земного каждому приходится проливать слезы. Но, заходясь в плаче, нельзя не помнить – жить нужно с болью, даже смертью в душе, с горьким знанием о печальной судьбе человека. Потому что чем сильнее страдаешь ты сам, тем меньше страданий достается твоим детям.

...С фронта Тлеу возвратился как раз к той поре, когда начались первые сенокосы – повсюду колхозники свозили с полей заготовленное на корм скоту сено. Этим делом были заняты почти все аульные женщины и старшеклассники. Маленький аул стал вотчиной некоего Кырыкбая, деспота и самодура. При имени этого человека, несдержанного на язык и не брезгающего рукоприкладством, дети переставали плакать. Говоря о нем, самые забубенные головушки невольно понижали голос. Такому слово скажешь поперек – сам же и костей после не соберешь.

Фронтвики в аул и раньше Тлеу повозвращались, да все попорченные войной: кто – безрукий, кто – безногий, кто с каким иным тяжелым ранением, – одним словом, инвалидная команда. И все же семьи возвратившихся светились счастьем, которого стыдились: осиротевших домов, куда пришла «черная бумага» на кормильца, намного больше. Эти-то несчастные матери и жены совсем пригорюнились, никак в себя прийти не могли. Вот, к примеру, старуха Улжан – старше нет никого в ауле – с месяц назад узнала, что на фронте погиб единственный сын. Теперь и с постели не встает, и от еды отказывается, готовится к смерти.

Жена Тлеу, молодая крепкая Жаныл, – за возчика, по несколько раз в день привозила с сенокосных лугов сено на скотобазу. Работала до самой ночи – приходилось отрабатывать те три дня, что потрачены были ею на встречу мужа, на бесконечный прием посетителей... К возвратившемуся с фронта Тлеу тянулись земляки, и каждого надо принять, усадить, угостить, проводить... Люди все никак наговориться не могли – расспрашивали и расспрашивали, и каждой женщине хотелось, чтобы именно ее сына или мужа встретил солдат на дорогах войны. Однако ни разу не встретились земляки солдату вдали от родного аула, нечем было ему утешить ничью мать, ничью жену. Пришедшие смотрели на исхудавшего Тлеу то ли с завистью, то ли с ненавистью – как же: уцелел в смертной круговерти, вот он сидит целехонек, здоровехонек.

Невдомек было горемыкам, на которых и рассердиться-то никак нельзя, что приволок с фронта солдат кожу да кости, и сам от смерти на волосок был, а душа – черная яма, а не душа, когда вот так вырвешься из смертоубийственного пекла. Однако что объяснять, когда, действительно, в своем доме за столом сидишь, пьешь водку, а мать и жена как угодить и чем накормить не знают. О своей ране Тлеу молчал, пытался утешить вдов подобающими словами...

Возвращение сына позволило матери, старой Алиман, ненадолго забыть свое горе: и ей пришлось пролить слезы над казенной бумагой – четыре месяца назад пришло известие о гибели на фронте младшего брата старухи – Умбета. Алиман сама – лишь только началась сенокосная пора – поработала кухаркою при косарях, но с приездом сына отказалась от этой уже непосильной для ее старости работы. Теперь надо было подумать о сыне и внуке, а то всю весну то с матерью на работу таскается, то сидит дотемна у соседей. Обняв сына, мать долго его не отпускала, смеялась и плакала одновременно. Жаныл шепнула Тлеу: «Хорошо, что мама наконец-то оттаяла, а то совсем сдала, ничем ее нельзя было утешить».

Люди людьми, но и жилье и домашние постройки пришли в такое состояние, что страшно смотреть. Первым делом Тлеу принялся хлопотать по дому: там поправить изгородь, здесь двери сарая попрочнее навесить, перебрал печь, заменил сгнившие доски крыльца, вырубил деревянное корыто для поила скотине. Мать радовалась тому, что может посидеть с внуком – соскучилась, пока кухарила на дальних сенокосах. Зато Жаныл старалась не отходить от мужа – все время

рядом: то молоток подаст, то гвозди наготове держит, то кружку молока из дому принесет.

Тлеу приколачивал кусок серой кошмы к наружной двери, когда за калиткою слышался копытный стук. Тотчас залаяли собаки, громко всхрапнула лошадь. Тлеу отложил в сторону молоток и дранку и поспешил навстречу приехавшему всаднику. За калиткой открылась такая картина: на огромном вороном жеребце царственно восседал вальяжный, осанистый мужчина. Лицо всадника лоснилось острыми умными глазами насмешливо поблескивали. Мелко, часто постукивал всадник по высокому голенищу блестящего хромового сапога зажатой в левом кулаке камчою; заметив, что к нему приближается Тлеу, этою же камчой мужчина повелевающе подал знак – мол, побыстрей, не мешкай! Еще проворнее, сам себя презирая за поспешность, пошел Тлеу: «Боже мой, да ведь это и есть Кырыкбай собственной персоной! Как же он переменялся, как его разнесло – гора, а не человек!»

– Ассалаумагалеikum! – произнес Тлеу.

– Алейкум салам! – небрежно отвечивал Кырыкбай, слегка наклоняясь к подошедшему.

Жеребец непокорно мотал тяжелою, мощно вылепленною мордой, недовольно косил глазом на Тлеу, шумно фыркал, игриво переступал ногами, показывая сталью блистающие подковы. Кырыкбай натягивал поводья, довольный норовистым конем, успокаивающе похлопывал правой ладонью шею жеребца, шептал ласковые слова на ухо. Наконец выпрямился в седле и, посмеиваясь, бросил:

– С приездом, батыр! Значит, возвратился домой, ничего не позабыв на фронте, на радость молодой жене, ах-ха-ха! И матушка довольна, вон как работаешь, по всему аулу слух идет. – Кырыкбай упер камчу в седло, по-прежнему властно сдерживая не желающего стоять спокойно жеребца, продолжал: – День – другой, думаю, джигит родней занят, не отрывать же его, а потом ко мне, полагал, пожалует. Сижу, сижу, дожидаясь, жена к приходу дорогого гостя все приготовила, а ты, наверное, теперь и старше меня стал – на фронте день за два считают, вот ты, скорее всего, и решил... пусть, мол, агатай в младшие братья записывается... Ах-ах-ха! Стой, Тарлан, стой, неугомонный, еще покалечишь джигита, не простит нам с тобою Жаныл такого поступка!

– Да что вы, дорогой ага? Как могли подумать? Домашние дела навалились – во всем мужской руки не хватает.

– Да, это ты верно заметил – мужчина в доме во всем нужен! Особенно такой добрый джигит, как ты. Не взяла тебя, значит, пуля, а вот ты гитлерюков много на тот свет отправил?

– Да как сказать. Не считал я их...

– Бессчетно, значит, ах-ха-ха!

– За то, что не пришел, простите, думал, вот-вот освобожусь.

– Да ладно, что мы сами не были молодыми, что ли! После разлуки первые ночи самые сладкие...

– Как вы сами, почтеннейший, как здоровье, как дома?

– Дома-то все, как положено. Работаем, не покладая рук. Носит нас еще земля, нужны мы миру. Ты же знаешь: «Все для фронта, все для победы!» Вот мы денно и ночью: «Все для фронта...»

Пока Кырыкбай снисходительно цедил слова необязательного разговора, временами похохатывая и концом камчи поддевая сползающую на плоскую переносицу

щегоольскую кепку, Тлеу внимательно пригляделся к прежнему знакомому. Острые кончики щегольски тонких черных усов утыкались в пухлые румяные щеки, толстые губы круглились в довольной презрительной усмешке. О хромовых сапогах и толковать нечего – такие не на каждом командире дивизии увидишь.

А собеседник-гость внезапно посуровел, строго спрашивает:

– Почему Жаныл на работу не вышла? Подружки спозаранку вкалывают.

Тлеу сразу не нашелся что сказать. Действительно, только что беседовал с земляком, а вот поди ж ты: он еще и начальник! Да какой строгий!

– Приболела она малость, завтра выйдет на работу, – нелюбезно проворчал Тлеу, приберегая крепкие слова для той минуты, когда Кырыкбай со всеми его сапогами, будь они прокляты, скроется из виду.

– Понимаю, понимаю, все мы в юности такой же болезнью переболели. И то: слишком долго ждала тебя, соскучилась. Ладно, сегодня денек ваш, а завтра отправляй жену на работу.

Потряхивая поводьями, Кырыкбай стал поворачивать застоявшегося жеребца, обрадованно защелкавшего копытами. Тлеу, растерянный, огорченный явственно обозначившейся подневольностью, бросился следом:

– Почтенный! А как же со мной... Какую работу мне? – И остановился, словно вот-вот судьба произнесет над ним свой приговор.

Кырыкбай властно остановил коня. Будто повелитель вселенной дожидался смиреннейшей просьбы обреченного раба, чтобы теперь решить: казнить того или помиловать.

– Ты вот что... – голос Кырыкбая потеплел, размягченный догадливой покорностью собеседника. – Загляни завтра ко мне, прямо домой приходи. Посидим, отметим твое возвращение... Давай!

Не прощаясь, не обращая больше на стоящего около калитки Тлеу никакого внимания, гикнул, огрел коня камчою, и жеребец взял с места резвою рысью. Тяжелая поступь откормленного животного загрохотала в аульной тишине.

А Тлеу все смотрел и смотрел вслед гарцующему толстяку в прекрасных сапогах, которому и завидовать-то смешно из-за очевидной вечной недоступности, вспоминал похабную ухмылку, сальные намеки. От неблагопристойного змеино-шипения Кырыкбая муторно стало на душе Тлеу, сплюнул со злобой и выругался.

О мало-мальски заметном человеке всегда на селе все известно. Так и о Кырыкбае. С мальчишеских лет помнит Тлеу одинокий домишко, поставленный на берегу реки, где русло раздваивалось. Начальство приставило исполнительного юношу с черными густыми волосами и тонкой шеей к распределению воды. И кто бы ни появлялся в этих краях – комиссия по ликвидации безграмотности, уполномоченный по заготовкам, районный ветеринар или землемер – около каждого увивался и любому прислуживал Кырыкбай. Не было на свете человека ласковее и почтительнее Кырыкбая – любимца аксакалов. И какая перемена всего через несколько лет: Кырыкбай – председатель тылового колхоза, хозяин человеческих судеб, хозяин той земли, где совсем недавно молодым мирабом от зари до зари носился с кетменем да с замусоленной тетрадкой, в которой записывал расход воды и часы полива.

Пора было возвращаться к прерванному делу, однако фронтовика ровно кто гвоздями к земле приколотил. Легонько скрипнула дверь, Тлеу оглянулся.

На крыльцо вышла мать, тихонько ступая, подошла к сыну, спросила:

– Что он сказал тебе?

Наедине с сыном, когда кругом не было ни души, старуха шептала и боязливо дергала подбородком.

– Да ничего особенного – почему Жаныл на работу не вышла, велел не разлегиваться... – Тлеу понимал, что мать ни в чем не виновата, но появление и слова Кырыкбая занозой вонзились в него; будь на месте матери человек посторонний ему сейчас досталось бы крепко: а не попадайся под горячую руку! Однако матери он, хоть и сквозь зубы, все же отчитывался в происшедшем.

Мать невесело усмехнулась:

– Нежно обошелся он с тобою, сынок! Обычно орет, горла не жалеет, а ты не пикни в ответ, не дай бог. Всех предков до седьмого колена черным словом помянет, никого не пропустит. Кому, может, война страшнее всего, а мы вот в плен к Кырыкбаю попали – каждый день от гибели на волосок, все мы в его власти. Так что с ним шутить не приходится, завтра же отправляйтесь с Жаныл на работу.

– Мама, неузнаваемым стал этот Кырыкбай. Стою перед ним, сам думаю: ты ли это, мираб? Ты ли это, наш активист?

– Кто ж еще! Он самый, понятное дело. Не с неба свалился... Повезло паршивцу! Да и то сказать – всегда начальству сапоги стаскивал, вот и сам еще безусым ловко пристроился, потом военкома подмазал, вот и на фронт не пошел, а теперь – наш председатель. Знатная птица – голыми руками не возьмешь!

– Да, действительно... – Тлеу вновь взялся за молоток, прилаживая кусок кошмы. – Интересно, меня-то куда пошлет. Сказал, чтобы завтра к нему зашел...

– Зайди, зайди к нему, сынок. Ты поласковее, подбрее с ним – тебя-то он отличил. Что до работы, так попросись сено возить – Жаныл поможет. Совсем измоталась, голубушка, по горным дорогам на телеге. Вечеру, как подкошенная, с ног падает...

– Попроситься-то можно, – вколачивая последний гвоздик, ответил Тлеу, – да только боюсь, что иное приготовил мне Кырыкбай. Как говорится, мягко стелет, да жестко спать – вот он из таких, видать...

– Спаси господи, проживем – увидим. Самое главное – ты дома, об остальном что и говорить... Справимся!

– Верно, мама. На фронте не чаял, не гадал, что доживу до того дня, когда вот так буду стоять на своем крыльце, смотреть на горы, с тобою разговаривать... Так что соглашусь на любую работу.

Собрав инструмент и в последний раз оглядев, как новая обивка толково, обстоятельно прилажена, Тлеу пошел к сараю.

...От воспоминаний охотника отвлекла собака. Любимец Тлеу – рослый Сырттан, заметив, что хозяин открывает глаза, подскочил и требовательно загавкал прямо в покрытое каплями лицо. Хвостом Сырттан колотил, как молотобоец кузнечной кувалдой. Собачьи глаза и преданно, и тревожно блестели.

Все так же плавно плыли облака по поднебесью, все те же снежинки изредка невесомо покалывали неподвижное лицо. Виски сверлила мучительная боль, но она все меньше задевала сознание охотника. «Что же я могу, пленник пропасти и горных снегов?» – со страхом размышлял Тлеу. Присутствие собак утешало его, но он знал, что чем ближе к вечеру, тем меньше надежды. Он думал уже дать им команду возвращаться домой, но с ужасом представил, что станет с женой и

матерью, на ночь глядя, когда собаки одни появятся на пороге, и снова отложил решение.

Где-то прошумели птичьи крылья – улары потянулись к ночному пристанищу. Действительно, настоящий вечер наступает. Заметно похолодало, видать, от ночного мороза и затишок не спасет. И странно ему показалось в такую минуту испытывать зверский голод. Кажется, казан сейчас опорожнил бы и не насытился. Тлеу снова прикрыл глаза, и вновь загредел лай Сырттана, не желающего мириться с тем, что на глазах у него погибает хозяин. От собачьего лая сердце охотника заколотилось изо всех сил, и если бы оно могло бросить изнемогающее в муках тело, оно, кажется, тотчас выпрыгнуло бы и помчалось, не разбирая дороги, прочь...

...Как и велел Кырыкбай, Тлеу на другой день отправился к председателю. Впервые после приезда он вышел за свои ворота и, проходя по улицам крохотного селения, огляделся. Невеселое зрелище открылось его глазам: низкорослые, неказистые жилища. Немало наспех слепленных мазанок: раскрошились камышитовые стены, глиняные обвалы лежали у оснований этих домов. Добралась проклятая война и сюда! Не снарядами, не бомбами, а нищетой, неухоженностью. Покосившиеся заборы, прохуdivшиеся крыши, полусгнившие крылечки...

8

Проходя мимо слетевшей с петель калитки, мимо сарая, жалко подпертого тремя-четырьмя жердями, мимо женщин, неумело сторбившихся над толстенным бревном и таскающим взад-вперед затупившуюся двуручную пилу, Тлеу понимал, что война не закончилась, что долгое народное горе не избулешь за краткие жизненные сроки.

Алиман подробно рассказала сыну, как найти председателей дом. На восточной окраине аула, действительно, возвышалось солидное строение, в котором и неопытный глаз сразу бы признал дом высокого начальства. Тлеу толкнул узкую дверцу в высоких глухих воротах, и к вошедшему стремглав кинулся, гремя цепью, огромный пес, из тех, что бесстрашно бросаются волку вперехват и способны самого вожака задушить в одночасье. Тлеу решил не искушать судьбы, попятился назад и вновь оказался на улице, придерживая дверцу полуоткрытой.

Послышался повелительный окрик:

– Лежать!

Собака, слышав хозяйский приказ, смиряя лай, покорно загромыхала цепью, возвращаясь на место.

Тлеу переступил порог в воротах. Полная моложавая женщина с чистым белым лицом, не тронутым загаром, в ярком цветастом платке быстро шла к оробевшему поначалу гостю, приветливо улыбаясь.

Обрадованный радушием Тлеу сказал:

– Здравствуйте, дорогая! Как семья? Как здоровье детей?

– Живы-здоровы все заботами Аллаха! – отвечала хозяйка. – Ах, это ты, Тлеу! – горькая капелька разочарования подметалась в ее радушие. Впрочем, такое могло и показаться обидчивому и самолюбивому джигиту. Женщина прекратила мгновенное замешательство тем, что обняла Тлеу, поцеловала в щеку и потянула от ворот. – Как же, как же, слышаны о твоём приезде. Твое-то здоровье в порядке, мать, жена – они-то как, без ума от радости, наверное? Не знают где усадить, чем накормить? И в нашем доме ты желанный гость.

– Все живы-здоровы, – не зная, что говорить, бормотал ничего не значащие фразы Тлеу, – что еще просить у Аллаха. Миновала меня гибель, наверно, для того, чтобы возвратился домой, всем вам поклонился за ваши горести...

– Ах, что ты такое говоришь! Нам-то смерть не грозила, – женщина пригорюнилась, – впрочем, что скрывать – нелегко нам здесь приходится. Посиди, пока чашку-другую выпьешь, и Кырыкбай возвратится.

За спиною Тлеу послышался скрип раскрываемых ворот, распахнувшись, они пропустили во двор водовозную тележку о двух колесах, тяжело влекомую понурым ишачком; встряхивая ушами, серый покорно шел за мальчиком лет четырнадцати, державшим животное под уздцы. Второй мальчик примерно тех же лет замыкал шествие. Оба во все глаза смотрели на женщину, на Тлеу, с любопытством осматривали двор и дворовые постройки. Один только ослик задумчиво понурился и не собирался продолжать путь, пока его вновь не принудят.

Женщина, в мгновение ока позабыв и о госте, и о любезностях, которыми только что его осыпала, сухо приказала:

– Бидоны вытаскивайте и поставьте вот здесь, около двери. Ворота за собой хорошенько притворите!

«О, – сразу догадался Тлеу, – со своими детьми так не разговаривают. Чьи-то мальчишки исполняют повинность – привезти в дом председателя воды». Неловкость, неприязненное чувство к чужому неласковому дому все усиливались. Тяготы и лишения войны? – здесь с ними не сталкивались. Вчерашнее высокомерие Кырыкбая, его наглая уверенность, что Тлеу тотчас со всех ног бросится исполнять его повеления, и нецеломудренная уверенность сытого тылового мужика, что ему спустят липкие разговоры о чужой семейной жизни, и поскучевшие мальчишки, понуро таскавшие тяжеленные бидоны, – все это огорчало и сковывало гостя. При пороге каждого гостя встречали олени рога огромного размера. Тлеу помедлил в прихожей, потом, стащив сапоги, в одних носках длинным коридором пошел направо в большую комнату, откуда настойчиво звала приветливая хозяйка. В комнате накрытый красно-золотой скатертью стол ломился от лакомств, как при окончании великого поста. Пол застелен великолепным текеметом, на изысканный орнамент и ступить-то боязно, слева на стене висит дорогой ковер – по нынешним временам большая редкость, под ним царственно расположилась громадная кровать, блистающая никелированными шишечками, поверх кровати положено белоснежное покрывало с тисненым узором, с длинными нитями бахромы. Покрывало венчает все великолепие, опрятную чистоту и пышную роскошь богатого дома.

Еще из коридора загремел по-хозяйски, разливисто и привольно, Кырыкбай. Гость разглядел, что за спиною Кырыкбая шла, неся на вытянутых руках самовар, жена председателя.

– Ага, батыр! – не отвечая на любезное приветствие Тлеу, засмеялся Кырыкбай и стал подталкивать гостя, чтобы занял почетное место. – Ничего, ничего, я с краешка посижу. Значит, пришел, молодец, умница!

Жена, не обратив никакого внимания на почетного гостя, первую пиалу с чаем все-таки протянула мужу. Тлеу, потягивая чай чашку за чашкой, не стал прикасаться ни к мясу, ни к баурсакам, ни к изюму. Он немного тяготился, что оказался бессловесным участником семейного разговора, а тот тек по своему, видимо, обычному руслу. Присутствие Тлеу нисколько не смущало хозяев.

– Скажи спасибо, что вообще домой вернулся! – ожесточенно жаловался Кырыкбай. – Боже праведный, скотина и то понятливее моих земляков. Совести, по крайней мере, побольше. Каждого проси, каждого умоляй, перед каждым становись на колени. А не пойдешь, не погонишь, не двинешь камчой, в конце концов есть же предел терпению, пусть простит меня Аллах, так и останутся все сидеть по домам, ровно с примерзшими задницами, с места не тронутся.

– Позвольте заметить, почтеннейший, люди безмерно устали, на душе неспокойно, гложет тревога... – осторожно вмешался в разговор гость.

– Господи, разве до войны они не были заняты тем же самым. Нет, дорогой, нечего выгораживать наглецов! Откровенно скажу: они лишь кулак да плетку разумеют... – и Кырыкбай, поглаживая свой необъятный живот, откинулся на подушки.

– Все же нынче тяжелее работать, – степенно вступила в разговор жена Кырыкбая.

– Со всеми вместе и беда – счастье, так наши предки говорили. К тому же мы одни, что ли, разве наши земляки одни страдают, только в наш аул почтальон приносит похоронки и только сюда возвращаются с фронта калеки? – говорил Кырыкбай не терпящим возражения тоном.

Жена и гость промолчали. У Тлеу вообще было желание – немедленно узнать, к какому делу хочет приставить его председатель, и поскорее скрыться из роскошных хором разжиревшей тыловой крысы.

Кончили пить чай. Уморившийся и отмякший от горячего питья Кырыкбай, растирая широким полотенцем лицо, цедил:

– Пойдем, землячок, покажу свое хозяйство. Твой отец, Биримжан, славился как справный хозяин, ты – его наследник – пошел в отца, конечно...

Во дворе постояли, подышали свежим воздухом. Кырыкбай медлил, словно что-то хотел сказать гостю, потом крикнул и повел его по двору. Как бы между прочим, показывая богатое подворье, жирных овец, курчавившихся еще не отросшей хорошенько после стрижки шерстью, Кырыкбай ронял то одну, то другую фразу:

– Мой дорогой, с войны ты вернулся благополучно, слава Аллаху! Мать твою, Алиман, жена твою, Жаныл, на особом счету у Создателя: вечно должны молиться, что сподобились снова тебя увидеть... – Кырыкбай похмыкал, пофыркал, вытер ладонью масляные губы. – Посмотрел, как живут люди, чем заняты, в чем нужда? К какой работе душа лежит, дружок, говори без стеснения.

– Да я как-то, – смутился Тлеу под пристальным, испытующим взглядом хозяина, – особенно не задумывался. Да и не то время выбирать, за любое дело возьмусь, что по плечу окажется.

Гость с облегчением перевел дух, сам поражаясь тому, как ловко он ушел от определенного ответа. К его изумлению, ответ, кажется, доставил удовольствие Кырыкбаю. Он рассмеялся и своей тяжелой ладонью с такой силой приголубил Тлеу, что дружеский удар в плечо болью отозвался в раненом бедре.

– Приятно слышать речи настоящего джигита! – весело воскликнул Кырыкбай. – Все же отрывать тебя от дома... – он подмигнул собеседнику. – Мы же тебе не чужие. Вот что – нам нужна баня, банька. Летом и зимою не слезаешь с седла, в поту, в грязи. Сам понимаешь, дружок, где же еще отмыться, сор-мусор с себя соскрести? Сладишь баньку, там еще что-нибудь найдем. Сам не обижу и никому в обиду не дам. – Здесь, очень довольный верным оборотом разгово-

ра, Кырыкбай захохотал во все горло, в раззявленной от смеха хозяйской пасти блеснули золотые зубы.

«Ах, вот оно что, сукин ты сын! – в сердцах выругался про себя Тлеу, с ненавистью смотря на собеседника. – Как не догадаться, что такие, как ты, внапрасную черствой корки не скормят. Нашел-таки батрака почтенный Кырыкбай».

Мысли мыслями, но ответить окончательным отказом Тлеу пока не решался. Посмотрев на безмолвного гостя, Кырыкбай еще раз, правда, не с прежней силою вновь хлопнул его по спине.

– Пошли, покажу, где я наметил строить.

Они свернули за сарай, вышли на зады просторной усадьбы.

– Вот здесь, – хозяин поковырял носком сапога землю. – Каждому же не доверишь, вот банька и дожидалась мастера, – с небрежной лъстивостью толковал Кырыкбай. – Бревна отличные – знакомый лесник отбирал. Ха-ха-ха! Меня только лодыри да лежебоки не любят, а работягам я лучший друг.

Схватив щепку, Кырыкбай присел на корточки, стал чертить на земле кривые линии, приговаривая:

– Дверь, окно... Печь, предбанник... – выпрямился, вспомнив, прибавил: – Кирпич с фермы завезу – они там перегородку делали, так сотни три-четыре осталось.

Деловые слова Кырыкбая еле-еле доносились до Тлеу. Конечно, рассчитывать на что-либо иное было непростительной наивностью. Но что поделаешь, такая откровенная наглость – неприкрытое желание занять дармового работника – застигла его врасплох; и еще не хотелось ему резким словом обидеть старшего по возрасту человека. Он молча слушал многословные объяснения хозяина, который весь в надежде уже через неделю-другую попариться в собственной баньке разливался соловьем.

– Инструменты отличные, – Кырыкбай заспешил к сараю, повозился с замком, отпер дверь, исчез внутри, чтобы тотчас выскочить наружу, неся в руке плотницкий ящик для инструментов. – Вот, смотри, все приготовил, гвозди любые на выбор! Верстак сам смастеришь. Да к тому же тебе достанется только чистая работа, а чтоб подать, поднести, так помощников, сколько скажешь, пригоню.

К работе с деревом Тлеу испытывал особое пристрастие с детских лет, но теперь он и подумать не мог взяться рубить баню для резвого Кырыкбая, а тот наседа на все настырнее и наконец утвердительно заключил:

– Значит, договорились! Когда начнешь? – это сказано по-хозяйски, без околичностей и прочего разговорного мусора, сразу ставшего необязательным. Кырыкбай смотрел холодно, в глазах мелькало нетерпение. – Давай завтра. Приходи и приступай пораньше. Мешкать ни к чему! Понадобится что – жена покажет. Пока начинай – ребят подошлю попозже. А мне самому некогда, извини, работы много...

Он даже не проводил гостя до ворот. Самому пришлось дверцу распахивать, самому за собой закрывать. Только дворовый пес огорченно пробрехал вслед – жаль, мол, не дали поговорить с тобой по-свойски, милый друг: я бы твой зипун да и тебя самого также мигом разодрал в клочья.

Оказавшись за воротами, Тлеу почувствовал облегчение, к нему и смелость возвратилась, он даже заново обрел дар речи, но вслух уже ничего из того, что думал, не сказал: «Скотина! Давненько тебя люди поносят, да такому, что с гуся вода! Живешь сытно, дом – полная чаша, нет, чтобы подумать, как живет вдовам, сиротам! Ты их еще заставляешь воду носить, дрова тебе колоть. Вот теперь

баню выдумал. И опять себе. Нет, чтобы для всего аула построить. Измученные люди хоть бы какую-нибудь заботу о себе почувствовали. Нет, дорогой Кырыкбай, поплескайся-ка в корыте да в казане, обойдешься и без баньки».

Отчитав таким беспощадным манером Кырыкбая, который, скорее всего, сейчас сладко похрапывал на той самой никелированной кровати, Тлеу, весь кипя от злобы и обиды, добрался до своего дома. С порога на него пристально смотрела и чего-то ждала мать.

– Ну как там? Ты был у него? – Алиман никак не хотела выговорить имя председателя.

Только сейчас, встретившись со старой матерью, Тлеу осознал, что напрасно пошел к Кырыкбаю, напрасно пил чай и тем более отмалчивался, когда надо было со всей решимостью, солдатской прямоотой послать настырного председателя куда подальше.

– Ничего хорошего, – печально сказал Тлеу и присел на крыльцо. – Мама, этот только о своей шкуре... Ни о чем больше.

– А что он тебе предлагал? Какую работу? Привезти ему что-нибудь, проклятому?

– Баня ему нужна.

– То есть как? – старуха поморщилась, не понимая о чем речь.

– Баню во дворе. Все у него есть, вот бани не хватает.

– У него во дворе? Вот сволочь ненасытная. Война, люди в нужде, в горе, а этому хмырю все мало, все гребет и гребет. Когда ж подавится, когда поперхнется?

Алиман задохнулась, замолчала, поправила платок на голове, положила руки на плечи сына:

– Ладно, ему наши проклятья, что буйволу – соломинка. Знай себе прет напролом, поди спроси у него. Придется тебе, сынок, поставить баню – пусть холит и нежит свои жирные телеса. Зато с нами ты побудешь подольше. Так что особенно не торопись, не налегай.

– Что ты говоришь, мама! Для того я прошел фронт, чтобы, добравшись до родного очага, какой-то мрази прислуживать! Сам снегом стану умываться, но никакой бани Кырыкбаю не видать. И пусть делает со мной, что хочет.

– Охо-хо! Молодо-зелено, – спокойно сказала Алиман. – Люди говорят: не ссорься с шелудивым псом, раз он начальник. Его власть – его воля. За твою несговорчивость вся семья заплатит. Ни один человек в ауле: ни старик, ни ребенок – не перечит Кырыкбаю. Посмей кто пикнуть – в порошок сотрет. Как же он терпит, чтобы ты пример подал?! Что ни возьми, о чем ни помысли – за каждой мелочью на поклон к председателю. Это – безжалостный зверь. Не простит, не пожалеет.

И они замолчали. Опустив голову, сидел Тлеу на крыльце родного дома, понимая, что собственная мать ему не защита, что наоборот – сам он обязан защитить ее и жену.

«Господи, всемилостивейший Создатель, – размышляла меж тем Алиман. – Что за напасти ты каждодневно насылаешь на людей! Нет конца войне, не осталось почти ни одной женщины, не надевшей черный вдовий платок. А Кырыкбай бесчинствует, весь аул повально превратил в рабов, бесстыдник, к женщинам пристаёт. Но ведь настигнет его кара Всевышнего, отольются ему наши слезы!»

Три года в ауле Белый камень Кырыкбай председателем. Никто ему поперек слова не скажет, при нем опускают очи долу аксакалы и перестают хныкать

капризные несмышлениши. Казнить или миловать – он решает сам, никого не спрашивает. Особая забава властителя – преследовать молоденьких солдаток. То одна, то другая прибегают домой в слезах: «Кырыкбай обругал черными словами! Придрался, дескать, плохо работаешь, под замок посажу!» А кого и камчой мог полоснуть. Часами рыдала обиженная, но кто же мог пойти, вырвать камчу из рук обидчика и самого исхлестать так, чтобы навечно зарекся поднимать руку на кого бы то ни было!

Разумеется, все понимали, почему именно молодки вызывают пристальное, пусть и грубое внимание Кырыкбая. Пришлось и невестке Алиман – Жаныл почувствовать на своей шкуре особенную «милость» Кырыкбая. Почти год Кырыкбай после неудачного ухаживания за Жаныл не замечал ее, не здоровался и даже на работу наряжал через других людей. Жаныл ничего не скрыла от Алиман, но женщины договорились ничего никому не рассказывать, и, когда возвратился Тлеу, даже в мыслях не было у них пожаловаться. Тлеу догадывался, да и односельчане многое рассказывали, какого качества ухаживания могли быть со стороны Кырыкбая, но раз с ним не заговаривали на эту тему, и он помалкивал.

Увещевания матери – подчиниться Кырыкбаю – окончательно укрепили Тлеу в мысли, что ко двору Кырыкбая он больше близко не подойдет: пусть сам строит баню. Сам он с утра следующего дня занялся хлопотами в своем собственном дворе – дай бог до зимы поспеть приготовить свое хозяйство к долгому холоду. Целый день он поглядывал на калитку – вот-вот появится кто-нибудь с весточкой от Кырыкбая. Но не было никого, калитка так и простояла закрытой от зари до зари. На закате Тлеу, вымотавшийся за день, пошел к рукомойнику, загремел железным соском, полилась на руки вода, и тотчас звонкое цоканье послышалось в тишине пустынной улицы. Мгновенно догадавшись, кто же пожаловал к нему собственной персоной, Тлеу зашел в дом. Авось Кырыкбай потопчетса возле калитки да и отъедет ни с чем. Плохо же он знал Кырыкбая.

Жеребец толкнулся в незапертую калитку, и Кырыкбай подъехал прямо к крыльцу, по дороге зверски вытянув камчой кинувшуюся к чужаку собаку. Она залилась яростным хриплым лаем, но близко уже не подходила.

– Тлеу! Э-ге-гей, Тлеу! Покажись-ка! – что есть мочи кричал непрошенный гость.

Не хотелось, ой, как не хотелось хозяину дома выходить на порог, разговаривать с Кырыкбаем, однако же не матери и жене выдерживать натиск этого прохвоста.

Раскрыв дверь, Тлеу встал на пороге, пробормотав нечто невразумительное вместо приветствия. А гость и здороваться не стал, с нескрываемым гневом заорал:

– Родной мой, что с тобой случилось? Пропал без вести! Все приготовили, за тобой только дело, а ты как в воду канул.

Тлеу смотрел на всадника и молчал. Как раз молчание его очень не понравилось Кырыкбаю.

Понизив голос, Кырыкбай перегнулся с седла:

– Что ж ты молчишь, дорогой? Разве я не с тобою говорю? Ты можешь мне объяснить, почему не пришел?

– Вот что, Кыреке, ищите другого. Я с такой работой не справлюсь.

– Так, так... Не справишься, говоришь? Это почему же? Может, ты нашел себе... Да ты шутишь, милейший, любезный Тлеужан! Говори, говори, скорее, пошутил, решил позабавиться со старшим человеком.

– Нет, нет, не шучу я, с какой стати... Я займусь другой работой!

Лицо Кырыкбая перекопилось, он оскалил зубы:

– Не будет тебе другой работы! Стащи с осла ярмо, так он мордой в дерьмо!

Вот и жалей сосунка. Хотел помочь, мол, он на фронте под огнем и пулями, пусть дома отогреется, а трудодни как-нибудь и дома набегут. Ты сразу мог отказать! Тебе хотелось поизмываться...

– Да нет, что вы! – оправдывался Тлеу, холодным рассудком осознавая справедливость упрека. – Просто как же: не кончилась война, а я на вашем дворе стану возиться с баней... Люди на полях, на фермах из последних сил работают, что они-то скажут?!

– Да что ты мелешь, бедняга! Я сил своих не жалею, день и ночь тружусь для победы, на заем денег дал больше, чем кто-нибудь в ауле. Прошлой зимою из-за бескормицы сколько скота пало, а с моего подворья для Красной Армии, знаешь, сколько баранов угнали?! Что плохого в том, что я разок-другой попарюсь в бане?! Думаешь, другого не найду, только кликну, со всех ног кинутся...

– Что-то не заметил я, чтоб вы обеднели от помощи фронту! – резко выпалил Тлеу, страстно желая вывести Кырыкбая из терпенья. Хоть бы камчой огрел, что ли, с каким наслаждением прошелся бы тогда Тлеу по откормленной председателевой ряшке.

– Ты! – Кырыкбай хватал ртом воздух. – Ты! Ревизор! Мозгляк! На фронте вшей кормил, взводному сапоги лизал, чтобы мои хлеб-соль осквернить. Сопляк паскудный! Кто кого проверит... Еще дознаемся, почему с фронта пришел, а ни царапины... Да ты, часом, не дезертир? Проверим, запросим! Попомнишь ты меня, неблагодарный!

Конец монолога Кырыкбай закончил прямой нецензурщиной, круто повернул коня и вынесся галопом в настежь распахнутую калитку. Окажись на пути разъяренного председателя железные ворота, кажется, и они бы не устояли под напором его гнева. Не меньшая ненависть сжигала сейчас душу Тлеу. Он птицей слетел с крыльца и кинулся догонять Кырыкбая, плохо соображая, что он делает.

– Сволочь проклятая! – ярился Тлеу. – Гадина! Сытая тыловая гадина! Ничего не стоит ему вытереть ноги об человека: «Дезертир!» Ах, ты, мразь!

Долго он еще стоял так и ругался на пустынной улице вслед давным-давно исчезнувшему Кырыкбаю.

Наступило невеселое затишье. Дома почти перестали разговаривать о чем бы то ни было, только Алиман повторяла:

– Аллах милосердный! Не случилось бы беды...

К вечеру следующего дня Жаныл возвратилась сильно приунывшая: Кырыкбай снял ее с должности возницы, сказал, что приищет ей другую работу.

– Напугал он меня, – устало сказала Жаныл. – Глаза горят ненавистью, орет, как резаный. Не простит он нам твоего отказа.

...Сумерки сгущались и вот-вот должны были стать ночью. Дневная белизна ярчайшего сине-белого снега стала воспоминанием, свинцовой тяжелой серостью безостановочно наполнялся мир, и никто не приходил на помощь неподвижному человеку, в тяжком забытии распростертому на дне безлюдного ущелья. Чернели, постепенно теряясь в нарастающей мгле приближающейся ночи, скалы, чернота

подползала к вершинам, из последних сил удерживавшим на снежных остриях остатки света, да и само небо словно становилось гробовой плитой, сквозь которую не пробиться ни малейшему звездному лучику. Временами он открывал глаза, пытался разглядеть, здесь ли его верные псы. Четырьмя почти неразличимыми в темноте тенями, напоминающими обломки скалы, все собаки сидели и, слышав шевеление хозяина, подавали голос. Однако убедившись, что он не встает, больше к нему не приближались.

«Бедняги! – тихонько шептал Тлеу, подбадривая себя звуками своего голоса. – Несчастные псы! Хорошо хоть утром накормил вас, будто предчувствовал. Ничем не могу вам помочь, сам то ли к жизни ближе, то ли к смерти. Все-таки, наверное, к смерти... А вы терпите, на что-то надеетесь, жалеете хозяина. Верные вы псы, потому-то и поместил вас человек среди семи сокровищ Вселенной!»

Касавшиеся лица снежинки острее заставляли чувствовать постигшее его несчастье. «Ах, как перед людьми стыдно! Пошел Тлеу на охоту и сорвался со скалы. Замерзшее тело нашли в Коварном ущелье. Лучше бы и не возвращаться с войны. Какое горе для матери... Вот Кырыкбай обрадуется, доконал-таки меня, дождался моей смерти!»

Две или три собаки встали, и снег закрипел под тяжелыми лапами. Они повизгивали жалобно, протяжно, повизгивали все громче, пока одна не подняла морду к беспросветному серо-свинцовому небу и не завывала, неизвестно кого призывая на помощь полумертвому хозяину.

К горестному протяжному вою одной собаки присоединились и остальные. Звуки понеслись в ночную тьму и вскоре многократно отразились от каменных стен ущелья, словно печальный плач подхватили незримые в горной мгле собратья четырех охотничьих псов.

Ах, этот страшный однотонный вопль о несовершенстве мира, о необратимой беде поверг бы в скорбь любого, самого здорового и благополучного человека. Что же говорить об охотнике, лежащем с перебитым позвоночником в пустынных снегах Коварного ущелья. Подвязанная на подбородке шапка не заглушала вой, к тому же уши нестерпимо болели. Временами казалось, что его голову сжимают железными шипцами и суют в пламень кузнечного горна, и нельзя пошевелиться, иначе из ушей и ноздрей хлынет жидкая масса кипящего металла. Собачий вой, как раскаленная кочерга, ворошащая в неостывающем мозгу пыточные бело-красные уголья. Случалось, при отце собаки по какой-нибудь причине начинали тихонько подвывать. Биримжан выскакивал и отгонял собак от порога, крича: «Перестаньте, дети шайтана! Беду накличете!» С такой резкостью Тлеу вспомнил отца и его гневный окрик, что приподнял голову и прошептал: «Эй, перестаньте!» Вновь голова упала на снег. Собаки даже не заметили просительного хозяйского шепота, в черной чаще ущелья продолжала звучать тягучая нота скорби.

«Что же с ними, – прерывистыми толчками возникали в мозгу охотника редкие осмысленные фразы, – какую беду они чувствуют? Боже, боже, это же поминальный плач. Суждено ли мне встретить рассвет?»

...Через три дня из правления прибежал неказистый замурзанный паренек, от калитки прокричал, что председатель вызывает Тлеу и тотчас скрылся.

– Господи! – подавленно прошептала мать. – Избавь нас от беды... – потом подзвала Тлеу. – Посиди со мной, сынок, я кое-что хочу тебе сказать.

Некоторое время Алиман собиралась с мыслями, наконец решительно посмотрела на сына и беспрекословным тоном выговорила:

– Вот что, дорогой! Свою гордость спрячь и никому не показывай. С председателем не спорь, не задирайся – сила солону ломит. Нет человека в наших краях сильнее Кырыкбая – все им накормлены и обруганы-обласканы. Плетью обуха не перешибешь, покорись. Как он скажет, так тому и быть. Не навсегда же поставил его над нами Аллах. Придет час – куска сухого дерьма не выпросит он!.. Доберется и до нашего мерзавца Создатель – потеряпи.

К низенькому зданию колхозной конторы Тлеу шагал смело, с вызовом, весело подбадривая себя, что ему сам черт не брат, что же робеть перед каким-то там Кырыкбаем, оглобля тому в глотку! Однако взойдя на крыльцо, поглядев на серые сосновые стены, храбрец вспомнил печальное лицо матери и ее многомудрое напутствие. Он нерешительно переступил через порог, сразу встретившись припухшим взглядом с Кырыкбаем, сурово бросившим посетителю: «Проходи!» Председатель, не сняв коричневой фуражки, осанисто восседал за просторным столом, беспорядочно заваленным пухлыми бумагами и конторскими книгами, растрепанными и засаленными, и что-то отмечал карандашом в листке, положенном поверх бумажной груды. На краю стола, готовые вот-вот свалиться, лежали огромные канцелярские счеты с черно-желтыми отполированными счетоводами костяшками.

Тлеу поздоровался чуть громче, решив, что председатель не расслышал, однако Кырыкбай не поднял головы, тыча карандашом в бумагу. Посетитель, не приглашенный сесть, так и стоял, чувствуя себя чужим и ненужным.

– Так! – Кырыкбай швырнул карандаш и хлопнул ладонью по бумагам, пыль поднялась над столом. – Что-то ты разнежился, приятель, будто самолично Гитлера к конскому хвосту привязал! За тобой и баба твоя от работы отлынивает...

– Так вы же сами ее отстранили...

– Господи! – с наигранной досадой вздохнул Кырыкбай. – Бесстыжего человека ничем не проймешь. Я плясать перед каждым не стану. Сама виновата... Обиделась, понимаете ли...

Кырыкбай на мгновение замолчал, рассчитывая, очевидно, что Тлеу кинется оправдываться, защищать жену, но посетитель замер безмолвным соляным столпом, в точности исполняя напутственное материнское слово.

– Пора бы уж тебе делом заняться, – сказал Кырыкбай после продолжительной паузы.

– Так чем прикажете заняться? – воспроизводя интонацию своего взводного, обожавшего иронию в разговорах со старшими, спросил Тлеу.

Для Кырыкбая все эти иронические материи – что слону дробина: он понял, что храбрый фронтовик извинительно завилал хвостом и заорал совсем уже беспардонно:

– И ты еще спрашиваешь! Оглянись – сколько работы кругом. Каждый день война уносит человеческие жизни, а вы здесь разболтались, возомнили о себе... Нет у меня времени больше с тобой рассусоливать! Завтра же перебирайтесь с женою на базу в Тальниковом овраге. Сено там сметали – боюсь, еще до осени разворуют. Пусть жена присмотрит за сеном, да и поможет тем, кто за ним приезжает. Что касается тебя... – Кырыкбай многозначительно подчеркнуто остановился и испытующе посмотрел на Тлеу.

Он встретил такой же испытующий взгляд. «Интересно, что приготовил для меня благодетель?» – мог прочесть во взгляде посетителя Кырыкбай, будь он немного пронизательнее и человечнее. Но человечность, пронизательность и обыкновенное дружелюбие не были свойственны Кырыкбаю, когда он говорил с нижестоящими.

– Ты хорошо знаешь, – издалека начал Кырыкбай, – что мы все отдаем фронту. Почти ничего не оставляем себе. Прошлой зимой случился падеж скота. Зима рано началась, кормов не хватило. Колхозные кладовые пусты. Люди позабыли вкус мяса. А попробуй не выполни обязательства по госпоставкам, сам знаешь, чья голова слетит первой. Одним словом, надежда на крепких, сильных джигитов... вроде тебя, – прибавил Кырыкбай, как бы в знак особой милости присоединяя посетителя к мужчинам – опоре народа. – Наши горы тебе известны с детства. Овраги, долины, тропы, ручьи; все знают, что с отцом-охотником ты всюду побывал. Вот – твоя работа...

Сомнение промелькнуло в глазах Тлеу, может быть, председатель пошутил. О разных занятиях он строил предположения, только охота никак не всплывала в его мыслях.

– А законна ли охота? – наконец проговорил Тлеу, заранее зная, что его нерешительность покажется здешнему хозяину жизни пустой. Так оно и вышло.

Кырыкбай пренебрежительно отмахнулся и нацелился карандашом, как бы приготовившись выписать лицензию на отстрел:

– Какой закон? Не твоя забота – закон. Горы чьи? Наши. Сейчас как раз пора, когда в горах жируют дикие козлы. Два-три месяца – и мы с мясом на всю долгую зиму. По склонам и ущельям бродит милостыня Аллаха, а мы сидим голодные. Вот ты нас и накормишь. Давай! Нечего размышлять – ничего лучше не придумаешь, будь ты хоть царь Сулейман!

Конечно, еще при жизни отца Тлеу ходил с ним на охоту. Перед войною этого занятия не оставлял, так что в предложении Кырыкбая была своя логика. Бог с ним, хоть не каждый день видеть его, стоять перед председателем навтыжку. Тем более что не далее, как вчера, мечтал хоть одним глазком вновь взглянуть на священные снега Хан-Тенгри. И он решил:

– Хорошо... – он приготовился обстоятельно обговорить с председателем все подробности предстоящей работы.

– Долго думаешь, джигит! Винчестер и патроны дам, телегу завтра пришлю, готовьтесь перебираться к Тальниковому оврагу – там зверь не пуганный много лет. Твое дело не промахнуться, как заметишь козла, а туши будем забирать через день. Вот и вся забота! Ступай, нечего время отнимать у занятого человека.

Кырыкбай снова хлопнул свободной ладонью по столу, облачко бумажной пыли сигналом прощания с негостеприимной конторой взлетело над неприбранным столом.

Тлеу пошел к выходу с чувством, что его опасно обманули. Председатель опять ковырял карандашом бессильно распростертый бумажный листок. Тлеу понимал, что сейчас, вот только что, случилось происшествие, властно переменившее его жизнь, но не было ни желания, ни возможности отказаться, переиграть, и вмешательство неизвестной силы тяготило его.

Тальниковый овраг, Тальниковый овраг! После переезда Тлеу ходил и ходил по горам. Как, оказывается, он соскучился, какой восторг испытывал от приволья, от

одинокства; непугаными стадами бродили архары и горные козлы-тэки, словно мишени в стрелковом тире. И Тлеу стрелял, стрелял... Несчастные животные падали, гулкое эхо грохотало, возвращаясь к охотнику обвалами сухого жесткого шума.

В запале удачной охоты Тлеу занимался в первый день обязательным для охотника делом – выпускал кровь из убитых животных и подранков. Два козла, четыре молоденьких самки – такова добыча. На другой день он стрелял еще удачнее. Сильно поредело стадо – чуть ли не на треть. К концу дня весь в азарте стрельбы и погони охотник побежал к основанию ущелья, на ходу нащупывая рукоятку охотничьего ножа. Исчезли за скалами напуганные выстрелами животные, Тлеу присел около крупного тэка. Только он приготовился полоснуть по горлу животного, открылись черные блестящие глаза и посмотрели на мучителя. «Господи, так он живой...» – понял охотник и услышал, как в страхе совершенного убийства содрогается его сердце. В предсмертных мучениях погибающее животное закрывало глаза, но сразу же последним усилием приподнимало веки, словно боясь, что острая сталь охотничьего ножа тут же пресечет жизнь. Но глаза мутнели и заволакивались невозвратной тусклостью.

Тлеу отвернулся от лежащего козла. «Аллах великий, разве легко умирать! Как мучается бедное животное!» Одиноким, случайно уцелевшим бойцом после кровопролитного сражения почувствовал себя охотник, а кругом лежали погибшие товарищи. Поле боя, залитое и его кровью; его самого, засыпанного землей, полупогребенного откапывают, уносят, оставляя мертвые неподвижные тела.

Безмолвным извоянием замер Тлеу над смертельно раненным животным. «Что ж остановился ты, занеся нож над умирающим? Совершил бы доброе дело, прекратив мучения... Безжалостный стрелок заговорил о доброте, – горько усмехнулся своим мыслям печальный охотник. – Получается, что Аллах сохранил мне жизнь, чтобы я лишал жизни безвинных животных».

Тлеу опять поднял нож. «Что же поделаешь... Прощайся с жизнью! Смерть твоя пусть падет на голову проклятого Кырыкбая! Мало ему повелевать нами, он решил взять власть и над ни в чем не повинными животными».

Сжав зубы, ввергая себя в жестокость, охотник, забрызганный кровью подстреленных животных, заправским мясником задирает головы с рогами, перерезал горло, кровь хлестала из располосованной раны на землю. Подбегали собаки, жадно лакали льющуюся кровь и лизали дымящуюся землю. В висках у охотника звенело, весь он вспотел, закатал рукава, и кровь остывала, запачкав руки от ладоней до локтей. Странное опьянение испытал Тлеу, занявшись выпусканьем крови из убитых и смертельно раненных животных. Он кинул собакам внутренности козла. Верные охотничьи псы рычали, радостно копаясь во внутренностях, и когда подымали окровавленные узкие морды, глаза сверкали таким ожесточенным яростным огнем, что попробуй сейчас хозяин отнять законную добычу, разорвали бы его в куски. Пока собаки пировали, Тлеу собрал все туши в одно место.

Ликовала душа, хотя он понимал, что совершенно тяжкое, непростительное преступление, осознавал он и то, что жизнь другого выхода ему не оставила. Одно загнанное животное убивало таких же загнанных. Замученный противоположными размышлениями, он долго мыл руки, оттирал кровь пучком вырванной с корнем травы.

Дома он почти не притронулся к еде, лег рано. Всю ночь его мучали кошмары. В терзающем сознание клубке сновидений особенно донимал один: горная гряда, венчающаяся царственно-величественным Хан-Тенгри, покрывается красными

пятнами, пока не оказывается залитой дымящимся алым морем, и чем ближе красные волны подбираются к вершине, тем невозможнее дышать. Тлеу просыпался сверхъестественным усилием, чтобы через мгновение вновь ворочаться в пучине страшного видения. Красные многочисленные пятнышки на чистейшем горном снегу – трупы людей и тела зарезанных животных...

Иногда он так громко вскрикивал, что Алиман и Жаныл переполошились.

– Господи, – причитала Алиман, – новая напасть... Думала, избавились от крика Кырыкбая, обрели покой. Так нет! Кырыкбай заставил моего сына скитаться в горах убийцей ни в чем не повинных животных. Совестьная его душа, вон как мучается. Аллах всемогущий, прости моему сыну подневольный грех.

Что помогло Тлеу вернуться на охоту и даже обрести в ней спокойствие? За три дня обживают и могилу – так говорит пословица. После первого боя он чувствовал себя не лучше. Не сразу пропала бессонница, не сразу смирился с гибелью товарищей. И все же обтерпелся, даже засыпал в укрытии, когда сверху земля вздрагивала от снарядных и бомбовых разрывов.

Военные дни для него миновали, чтобы не возвращаться более, и отстрел животных – это не убийство человека. Все так, однако Тлеу и подумать раньше не мог, что на родной земле вдали от взрывов, переворачивающих землю, к нему, зрелому человеку, возвратятся чувства детства и отрочества, что жалость охватит его и истерзает его душу. Как сопротивлялась она – его душа – всему тому, чем по милости проклятого Кырыкбая ему сейчас приходилось заниматься...

В каком-то кошмарном сне наяву он увидел Кырыкбая, темной мишенью промелькнувшего на белом снегу среди пустынных скал Медвежьего оврага.

Оборвались воспоминания, потому что затихшие собаки вновь завывали, возвращая охотника в мир мглы, придвинувшегося к глазам неба, серо-черным пологом отрезавшего звезды от грешной земли. Нельзя было определить, какой холод терзает лежащего человека сильнее: наружный или в тоскующем сердце. Тлеу рассчитывал на короткий срок ночи, забыв, что нынче не лето, рассчитывал забыться сном и очнуться при скором рассвете. Но задремать не получалось – мешали теснящиеся размышления, а если и впадал на несколько мгновений в забытие, к действительности возвращали собаки. Боль в пояснице стала тупее, он к радости своей ощутил застарелое нытье в бедре. А вот с ногами совсем худо – Тлеу по-прежнему не чувствовал ни колен, ни ступней, ни пальцев. Зато сознание поражает ясностью и ни на капельку не ослабела память. Все помнит охотник, все в его памяти, которая, скорее всего, его покинет последней.

Вновь собаки подняли громкий вой. Значит, стоит только ему не шевелиться и не разговаривать с самим собой вслух, как собаки тревожным воем готовы мертвого разбудить. Бедные псы. Мать говорила, что одинокому человеку и ворона – опора. А собаки – преданные помощники человека. Вполне могли оставить беспомощного неподвижного хозяина. Нет, все здесь, оберегают, никакой зверь не подойдет.

Тлеу с усилием прокашлялся, чтобы голосом дать знать собакам: он – жив, нечего выть понапрасну. Изо рта вылетело облачко пара, но на крик иссохшая глотка оказалась неспособна. Не помогали и стоны – собачьи голоса перекрывали все звуки. Хозяин различал по голосам вой Актоса и Сырттана – Майлыаяк и Алыпсок подвывали и подтягивали. Очевидно, псы перестали надеяться на лежащего неподвижно хозяина и зывали о помощи к тому Хозяину, во власти которого судьба каждой земной твари.

Похоронное вытье, беспорядочный лай терзали мозг охотника; больше всего на свете – больше тепла, света, горячей пищи – ему была нужна тишина. О ней он готов умолять, выпрашивая, как последнюю милость.

Начался настоящий снегопад, но кончился быстро, и только тогда потянуло крепким утренним морозцем, чувствительно донимающим и в защищенном от ветра ущелье. Так он и не уснул ни на одну минуту. Забрехала на краю неба светло-серая тонкая полоска. Стала шириться, расплзаться, неприметно наливаясь слабой розовинкой; обозначились резко вычерченные силуэты скал, вершин, горных седловин; выше, выше начало подниматься светлеющее небо.

Всю ночь стерегли хозяина верные псы. Всю ночь – пожалуй, впервые в своей жизни – промаялись на снегу ущелья, согреваясь короткой пробежкой и громким лаем, вперемешку с воем и визгом, и ни одна живая душа не откликнулась, не пришла на помощь. Долгая голодная ночь не прошла даром: бока ввалились, шерсть покрылась застывшими сосульками. Ни сидеть, ни стоять собаки не могут, переминаются с лапы на лапу, все время судорожно отряхиваются, словно выскочили из ледяной проруби. Иногда собаки скулят сиплыми, надорванными голосами.

Горные вершины освещены празднично, солнце вызолотило свежие снега, и вот-вот янтарно-багряной расплавленной массой хлынет, затопливая ущелье да и все великое поднебесное пространство. Собаки, дрожащие мелкой дрожью, с надеждой поднимают блестящие глаза на солнце – им кажется, сейчас они согреются, отогреет взошедшее светило и хозяина.

Мирная, почти счастливая картина прервана громким злым лаем Актоса. Приседая на задние лапы, пес вскидывает к небу морду и оповещает об опасности. С западной стороны Медвежьего ущелья, снижаясь, полетел ворон. Словно по сигналу, такая же черная птица показалась и с востока. Как на длинном аркане, оба ворона совершали равномерный облет ущелья. Остервенение Актоса достигло высшей точки: птицы почуяли поживу – совсем невдалеке лежали припорошенные снегом туши подстреленных охотником горных козлов, да и сам он казался добычей любительницам падали. За Актосом заголосили другие собаки – гулко загрохотала каменная чаша ущелья. Но воронам и горя мало – круг за кругом они продолжали облет ущелья. Медленное кружение черных птиц завораживало.

Золотой круглый слиток плавился в синем небесном омуте, вершины оделись в белый праздничный войлок, и только собачий хриплый лай не соответствовал гармонии и спокойствию мира. «Ах, вот в чем дело! – подумал охотник, заметив высоко в небе очертания стервятников. – Глупые псы! Разве лакомых до мертвечины отгонишь лаем? Сейчас бы хороший заряд крупной дробы... Посмотрел бы я, как полетели бы черные перья!» Назло стервятникам охотник приподнял голову, надеясь на несбыточное, что вот-вот и спина распрямится... Но немилосердный удар боли заставил его вновь расслабленно уронить голову. Глаза закрылись сами собой, не в силах выносить далее солнечный свет. Они слезились, под веками жгло, будто кто-то бросил в глаза горсть песка.

Собаки отгоняли стервятников до тех пор, пока они, не наскучив оглушительным собачьим лаем, сами не улетели подальше. Псы затихли, опустив морды, оглядываясь по сторонам, поодиночке перебрались ближе к хозяину. Актос ближе всех подошел к лежащему человеку – ткнулся мордой в подбородок Тлеу, старательно обнюхал и, вцепившись зубами в воротник тулупа, настойчиво потянул. Тлеу открыл глаза. Встретив взгляд хозяина, Актос завилял хвостом. От преданного собачьего

взора Тлеу содрогнулся: в глазах Актоса и жалость, и растерянность, и беспомощность. Тлеу зашевелил губами, но хриплый шепот не оборотился внятной речью. Собака, не отрываясь, смотрела в лицо хозяина. Он все-таки выговорил: «Актос, домой!» – не вполне уверенный, что пес понял его правильно.

Звуки низкого горлового лая разнеслись в воздухе, не оборачиваясь на хозяина, Актос бросился в направлении дома. Сырттан взвизгнул, заскулил и помчался следом.

Двое других псов кинулись в другую сторону, разгоняя спустившихся на землю трех черных птиц. Потом они сели на самом близком расстоянии от Тлеу, как два непоколебимых стража.

10

– Мама, зайдите в дом! Совсем окоченели. Какая разница, где ждать! Садитесь у печки – вон как она пылает – и подумайте о себе: схватите простуду, что будем делать?

– Жаныл, беда... Ума не приложу, как быть, куда бежать. То кажется, что вот-вот он покажется на дороге, а то... Совсем голова замутилась...

Алиман проковыляла от порога к табурету и обессиленно рухнула на него, с покорностью позволяя невестке совлечь с нее настывший чапан. Что ни говори, Жаныл была ей утешением. Не раз старуха возносила благодарственные слова Богу за то, что именно такой невесткой одарил ее. Пока Тлеу был на фронте, Жаныл истово хранила верность ему. Чистая душа Жаныл спасла мужа от пули, – так про себя решила старуха. От своих сбивчивых мыслей она отвлеклась, услышав тихий усталый голос.

Жаныл выговаривала сыну:

– Ты бы нынче не путался под ногами, и так тошнехонько. Побудь-ка с бабушкой.

Данияр, недовольно сморщивший нос, неохотно шел за матерью, не выпуская ее руки из своей.

– Подойди, подойди, Данияр! – бабушка взяла руки мальчика в свои ладони, отогретые над раскаленной чугунной плитой. – Господи, мой ягненок, да ты вовсе замерз, вон ладошки-то, как ледышки, похрустывают.

Притянув Данияра к себе, Алиман поцеловала внука в щеку, и у нее чуть-чуть отлегло от сердца.

Жаныл поставила чайник с водой на плиту и вновь вышла во двор. Алиман посмотрела вслед невестке – золотой характер! От чистого сердца послал ее Всевышний... Старуха помнила Жаныл молоденькой девочкой...

...Как намыкалась Алиман, сколько лиха хлебнула, пока поставила на ноги сына-сироту! После гибели Биримжана Алиман переборола горе – никогда не забывала она мужа, но никогда ни с кем и не делилась своими воспоминаниями – крепко взяла осиротевший дом и хозяйство в свои руки. Она помнила, что Биримжан страстно желал дать сыну образование, для этого и перебрались в аул поближе к родне, к многочисленным знакомым, о которых стала забывать за годы одинокого житья на отшибе – Биримжан дорожил своей независимостью и никого лишнего не подпускал к себе.

Родственники обрадовались возвращению Алиман с сыном, сговорились помочь вдове, да и колхоз выделил ей все материалы на строительство дома, как семье,

пострадавшей от кулацко-байских приспешников. Совсем еще юный Тлеу работал на этом строительстве, как взрослый мужчина. Да и сама Алиман бралась за любое дело, не различая, женское или мужское занятие выпало на ее долю. Ломалось тележное колесо, и Алиман оставалась ночевать в поле: постелью служила трава, крышей – телега. Растяжением связок страдала она с самых молодых лет – но уж это удел всех аульных женщин, и Алиман никому не жаловалась, по больницам не бегала. Казалось, невзгоды только закаляли ее – никому не показывала она уныния или отчаяния. И все потому, что растила сына и не могла оставить наследника Биримжана наедине с суровым миром. Из-за того, что Тлеу был ребенком поздним, душа матери бредила мечтой дожидаться дня, когда сын приведет в дом жену, увидит внуков. Она просила у Аллаха милости – продлить дни до этого срока.

С образованием вот ничего не вышло. При Биримжане Тлеу кончил лишь начальную школу, потом год пропустил, так как дальше можно было учиться только в райцентре в школе-семилетке, жить в интернате. Не было у матери сил в первый год после смерти Биримжана отпустить сына от себя.

Потом, когда он только-только кончил пятый класс, небывалая по суровости, с долгими обильными снегопадами зима обрушилась на землю предков. Кормов заготовили мало, да и те подвезли к фермам не полностью. Такого падежа скота давно не помнили земляки Алиман. Школы закрылись, ученики вернулись до весны к родителям. Так вышло, что шестого класса Тлеу уже не кончил и навсегда расстался со школой. Мать работала на молочной ферме, сына записали в ту же бригаду, и он присматривал за телятами, убирал навоз, возил корма.

Нелегкие годы сказались на здоровье Алиман, да и возраст давал себя знать. Она перебралась поварихой полевой бригады, а зимою все больше отсиживалась дома. Зато сын брался за любую работу в ауле – метал стога, махал молотом в сельской кузне и весело вкалывал подмастерьем у прославленного плотника Аймагамбета. Мастер вообще пообещал передать любимцу тщательно подобранный на протяжении многих лет плотницкий инструмент.

Вымахал сын в ладного, стройного джигита, на которого заглядывались девушки всей округи. Поразительно походил Тлеу на отца. Грусть охватывала Алиман, когда замечала она это сходство, но и счастье она испытывала, потому что какая мать не счастлива добрым и сильным сыном. «Сохрани моего единственного, о Всесильный, сбереги его для долгой жизни! Пусть он закроет мне глаза в час расставания с жизнью, пусть станет корнем большого счастливого рода!» Иногда ей казалось, Аллах снисходил к ее смиренным просьбам.

Как-то раз дальний родственник Алиман пригласил ее на свадьбу, в село Айгыржал. Поехала она с нелегким сердцем – все-таки много лет прожила отшельницей. Люди только-только приходили в себя после великого голода, жестокой смуты, однако сердечно обласкали Алиман. Два дня она провела, как в раю. Чай за свадебным столом разливала скромная воспитанная девушка. Алиман все посматривала на нее – лучше невестки не сыскать! Но как подступиться?

Настал день отъезда. В последний раз все вместе за столом, размеренная беседа, гостю спрашивают, нет ли какого-нибудь заветного желания.

Не промедлив мгновения, Алиман сказала:

– Благодарю, дорогие, за внимание и заботу. Да разве я приехала из корысти? Вашим здоровьем я крепка, вашим достатком сыта, – Алиман перевела дыхание, а про себя подумала: «Сробеть сейчас – всю жизнь каяться!» – Сама не заговорила

бы, но раз вы спросили... Все мысли о сыне, он стал джигитом, пора жениться. Вы мне родня – найдите невесту!

Родственники зашевелились, заговорили разом:

– Всем желаниям – желание!

– А какой скромницей прикинулась.

– Выбирать-то вам. Ошибемся – кто в ответе?

– Вот и хлопоты на ваши беззаботные головы! Кстати, не вижу вчерашней смуглянки – чай она разливала...

Здесь и тугодумы все поняли и расхохотались.

– Это Алиман о Жаныл говорит.

– Вот и незачем искать – сама выбрала!

Алиман вся во власти вдохновения:

– Раз незачем искать – отдавайте девушку!

Присутствующие толкали друг друга в бок: мол, какова наша Алиман, какова бедная родственница! М-да, мелко мы ее крошили!

Так на одной свадьбе заронили зерно другой.

После того много раз приезжала Алиман в Айгыржал, близко познакомилась с Жаныл, ее отцом и матерью. Семья простая, неприхотливого склада. Сначала родители девушки не поддавались на уговоры: Жаныл – старшая, первенец, как на сторону отпустить? Но сын Алиман им понравился, и в конце концов благословили дочь: «Они достойны друг друга!»

Год прошел, и Жаныл стала женой Тлеу. А еще через год родился Данияр. Алиман не могла нарадоваться.

Когда Тлеу, забывшись, поднимал голос, юная жена тотчас откликалась:

– Маме пожалуюсь: я тебя и знать не знала, когда мы с нею чай пили, она за меня заступится.

Тлеу миролюбиво поднимал руки:

– Сдаюсь, сдаюсь... Жаль свою спину – мамина-то палка крепка, – и ссоры как не бывало.

Аркан войны захлестнул семью. Маленький Данияр, желанный первенец, только-только пошел по земле, косолапо переступая короткими, крепенькими ножками. Ах, горе, горе человеческое! Как раз, когда надо брать сына за руку и вести его по жизненной дороге, эшелон повез отца на фронт.

Алиман держала ручонки внука в мозолистых ладонях, холодные ладошки наливались теплом. Данияр о чем-то расспрашивал бабушку, однако она думала о прошлом, к воспоминаниям о котором, пожалуй, впервые за долгие годы примешивалась непреходящая горечь. От нее саднило сердце. То, что невестка не плакала, не жаловалась, а ждала упорно, терпеливо, заставляло и старуху превозмогать предчувствие.

Она не отвечала, но помнила, что Данияр задал какой-то вопрос.

– О чем ты, Данияр?

Вдруг со двора сквозь дверь и стены прилетел крик Жаныл: «Мама!» Или старухе послышалось, и никакого голоса не было. Алиман выпрямилась и напряглась. Осторожно отстранив внука, она бросилась к двери. Еще не перешагнув порог, она увидела, что собаки сына ластятся к Жаныл. Собаки подпрыгивали, стремясь лизнуть женщину в лицо, а старуха, у которой подсклелись ноги, повторяла и повторяла: «Добра, только добра пошли нам, Аллах!»

Собаки бросились к Алиман, чуть не сбили ее с ног, теребили подол и визжали. В каком растерзанном, страшном виде они явились. Исхудавшие впалые бока, налитые кровью глаза, шерсть в мелких ледяных сосульках.

– О, Аллах, да они чуть живы! Жаныл, скорей дай им поесть. А почему Тлеу не выдать? Он-то где? – все еще надеялась мать охотника.

Жаныл не отвечала. Она не отрывала глаз от дороги.

Алиман подошла к ней поближе и тихим голосом переспросила:

– Что, еще нет Тлеу?

– Нет, мама. Он, может, скоро появится. Пока только Актос и Сырттан вернулись... А две – с ним.

Она смотрела, не отводя взора, на дорогу, будто сила ожидания и вера в благополучный исход – лучшая защита от напастей мира.

– Господи, сколько же можно ждать! – с тоской сказала Алиман. – Несчастные, нет языка, чтобы сказать, что с Тлеу.

Жаныл налила в таз теплой похлебки – собаки ее мгновенно вылакали и тут же бросились к калитке. Актос скулил, припадал к земле, требовательно взлаивал – вел себя совсем странно.

– Актос, – наклонилась к собаке Алиман, – что с тобой, что ты хочешь сказать? Господи, тварь безъязыкая! Вот и пойми ее! Лежи, Актос! Лежать!

Собака легла, но не успокоилась, а стала царапать когтями землю и на брюхе поползла к Жаныл.

– Милая, посмотри! – в страшном подозрении воскликнула Алиман. – Неспроста все это. А, Жаныл?

Жаныл ничего не отвечала совершенно сознательно, боясь неверным голосом еще больше напугать мать. Свекровь поняла ее правильно. Она пошла к дому, на мгновение вспомнив и тут же забыв про Данияра. Она не могла сейчас думать ни о ком, кроме сына, да и жалеть, кроме него, может быть, попавшего в смертельную беду, тоже никого не могла. Каждая женщина осталась наедине со своим горем, оно объединяло их, оно же не позволяло открыть душу друг другу.

Актос и Сырттан стояли у калитки, призывно взлаивая, потом, отпрянув, неслись к крыльцу, чтобы через мгновение все повторилось сначала.

Картиной смутного бреда представлялся Жаныл двор с бегающими по нему собаками, возвратившимися без хозяина. Они, конечно, что-то знают, но как узнать людям... В эту минуту собаки наперегонки бросились к калитке и дружно, громко залаяли, оповещая о приближении кого-то.

Со стороны аула, с другой стороны к дому поднимались три всадника. Лошади шли след в след, и Алиман до рези в глазах всматривалась в подъезжающих людей.

В переднем старческие глаза Алиман признали Абдрахима. «Сдержал-таки слово!» – подумала она, испытывая признательность и зная, что никакими словами благодарности невозможно отплатить за такую заботу. Узнала старуха и второго всадника – бригадира Омарбека, лицо третьего ничего не говорило ей.

– Как вы здесь? Ничего нового?

– Зачем спрашиваешь, Абдрахим?! – запричитала Алиман, не в силах сдерживаться. – Была бы хоть какая-нибудь весточка о сыне, разве стояла бы я здесь соляным столбом, все глаза проплакав! Недавно прибежали собаки, думали, Тлеу за ними едет, а вот нет его... Еще двух собак нет.

– Вот как! – Абдрахим посмотрел на Актоса и Сырттана – они как раз сидели спокойно, настороженно подняв морды и прислушиваясь к разговору.

– Просто они раньше него прибежали, – сказал Омарбек. – Вы напрасно беспокоитесь.

В голосе Омарбека все-таки не было надлежащей уверенности, но старуха была ему благодарна и за такую попытку ее успокоить.

– Пора его искать, – сказала она твердо. – Что-то с ним случилось, чует мое сердце. Да и собаки ведут себя странно.

– Может быть, вот как сделаем, – нашелся Абдрахим. – Что зря терять время, ждать у моря погоды! Собаки должны показать дорогу. Ты, Кадыр, – сказал он незнакомому третьему джигиту, – возвращайся в аул. Иди прямо к Кырыкбаю – пусть создает поисковую группу. Если мы до обеда не вернемся – выходите.

– Верно, – поддержал чабана Омарбек. – Ну, мать, молись за сына и за нас. Может, простит Аллах, что нагрешили, а ты-то и не виновата ни в чем, ни ты, ни Жаныл!.. Актос! Сырттан! Ищите Тлеу! – он взмахнул камчой, собаки рванулись вперед, оба всадника помчались за ними.

11

– Бог мой, верни сына живым и здоровым! – тихо проговорила Алиман.

Старуха, не опуская головы, все смотрела и смотрела вслед отъехавшим всадникам. Хотя давно они скрылись в белых снегах ущелья, мать охотника древним каменным изваянием застыла у дорожной развилки, и все заботы отступили, смирившись перед материнской тревогой. Лишь возлюбленная сына, его верная жена могла увести мать отсюда. Жаныл заботливо обняла старуху, и вместе они заторопились к Данияру, забытому в суете приезда и проводов всадников.

Солнце тем временем восходило к зениту. Небо подернулось морозным, мраморно-опаловым туманцем. Все вокруг дышало чистой зимней свежестью, изморозь легла на углы воротников. Мирная картина зимнего пейзажа омрачалась лишь суровой грядой западных гор, с которых сползала темная туча. Черная масса набухала и ширилась, окрашивалась в аспидные и чернильно-фиолетовые цвета.

– О, Создатель, что ты готовишь мне? – болезненно прошептала Алиман, не в силах произнести эти слова только про себя. – К чему недоброе знамение? – она испугалась своего шепота, посмотрела на невестку, но та не прислушивалась к печальному старушечьему бормотанию.

О том, что в день гибели Биримжана точно такая же черная туча ползла по небесному своду, старуха не решалась напомнить себе даже в мыслях.

...Тем временем всадники все поднимались и поднимались к горловине ущелья. Далеко впереди над снегом мелькали собачьи хвосты – приметой того, что путь выбран верный. Очень редко собаки останавливались, оглядывались и, убедившись, что лошади, пусть плохо поспевая, но все же пробираются по их следам, пускались дальше.

– Смотри, как уверенно бегут, – сказал Омарбек, пристально следивший за собаками. Он все боялся, что они скроются за поворотом, а что же потом... И все погонял коня камчой, но больше для успокоения совести – по глубокому снегу не больно-то поскачешь. – Не бросили в беде хозяина.

Прищулив и без того узкие глаза, Абдрахим, задрав к мутнеющему небу редкую бороденку и тоже внимательно наблюдающий за бегущими собаками, сказал:

– Не зря говорят, что собака порою лучше старого друга – всегда выручит. Чувствую, знают они хорошо, где хозяин – туда и ведут. А вот застанем ли мы джигита... – Он не закончил, присвистнул печально, ласково похлопал лошадь по влажному крупу.

На солнечный диск словно бросили покрывало, и светлое серо-золотистое пятно зависло над горными вершинами. Чем ближе придвигались каменистые отроги, гранитные громады скал, чем явственнее притекало сюда студеное дыхание ледников, тем большая тревога охватывала сердца всадников. В какую сторону побегут собаки, за каким перевалом – цель невеселого путешествия, что откроется за поворотом? Полная неизвестность... Среди скал, возвышаясь над всеми вершинами, устремляясь к вечному небу жизни, царит таинственный, могучий Хан-Тенгри, внушая робеющей человеческой душе суровый страх и сознание своей малости перед величественным созданием природы.

Здесь, в дальней стороне ущелья, ни дороги, ни тропинки. Зимой никто сюда не добирается, разве что охотник случайно забредет, да и то ненадолго. И с топором дровосека здесь никого не увидишь – люди ограничиваются оврагами, поросшими сосняком и березняком, да тальником. Кроме того, пробраться сюда по горному бездорожью мало кому под силу.

Вот сейчас всадники миновали тальниковые заросли и начались истинные мученья: то под ногами каменистые осыпи, то скользкие ледяные натеки, то возникает преграда из поперек лежащих скал – собаки легко проскочили, а попробуй провести лошадей: верховым то и дело приходилось спешиваться. Хорошо, что умницы Актос и Сырттан постоянно возвращаются, не позволяют людям терять из виду бессловесных проводников.

Когда Абдрахим и Омарбек огибали изрезанный продольными извилистыми трещинами выступ отвесной скалы, к ним подъехал чабан Кызайбек, тот самый, чье зимовье в Медвежьем овраге.

Кызайбек скупо цедит слова:

– Вчера выстрелы слышал и все... Нынче ничего – тишина, – и хмуро прибавляет: – Старушке-то Алиман за что такое испытание.

Абдрахим пытается расспросить Кызайбека пообстоятельнее, но толку из такого разговора выходит мало, собеседники смолкают. Действительно, стоит здесь великая тишина, и лишь слышны удары лошадиных подков, погромохивают скатывающиеся вниз камешки и временами всем этим звукам вторит покорное загадочное эхо.

– Скоро ли мы добредем до Коварного оврага? – наконец спрашивает Омарбек.

Этот Коварный овраг совсем недалеко находится от поселка, но даже долгожители не все бывали здесь, и не только из-за его недоступности, но и из-за худой славы. Омарбек совсем еще молодой человек, в новинку ему эти места, а может, и робеет.

– Да мы почти добрались... – Абдрахим поднял камчу. – Гляди, вон скала, на сердце смахивает, ее обогнем и откроется узенькое-узенькое ущелье, через него и попадают в Коварный овраг. Видишь, как раз собаки скрылись за скалой. Ах, на погибель понесло сюда Тлеу без напарника.

– Кырыкбая не знаешь! – отозвался Кызайбек. – Даст он тебе напарника, держи карман шире! – Кызайбек ожесточенно сплюнул, видно, проклятый Кырыкбай сидел у него в печенках.

– Вот несчастье, – сокрушенно пробормотал Абдрахим, – все опасные места мы прошли, значит, без сомнения, он там, в Коварном овраге.

Осталась позади и скала, действительно, своими очертаниями напоминающая человеческое сердце, теперь все трое пробирались в каменном коридоре, сверху свисали остроконечные матово светящиеся голубые сосульки. По насыщенности цвета можно было предположить толщину и вес этого гигантского водяного на-тека. Скальные стены испещрены выбоинами и морозобойными трещинами; величественная вершина Хан-Тенгри не видна больше, а кривая небесная полоска все больше походит цветом на черное воронье крыло. Холод от скал опалил лицо, а сверху потихоньку сыпался маленький колючий снежок. В конце коридора на снегу сидели Актос и Сырттан.

– Это и есть Коварный овраг? – спросил Омарбек.

– Все хочешь с Коварным оврагом встретиться, дорогой? – усмехнулся Абдрахим. – Мы еще не дошли до настоящего Коварного. Подумаешь, три-четыре раза за всю дорогу спешили. А путь туда – все равно, что спуск в преисподнюю. И собаки неспроста замешкались. На расстоянии аркана овражек, над ним скала, что клюв беркута, нависает. Почти неприступный вход туда, словно для праведника, – горько пошутил старик. – Потому так и прозвали это место – как бы предостережение...

Омарбек не отзывался и не смотрел по сторонам. Признал Абдрахима за главного – вот и приходилось сносить его невеселые насмешки.

Собаки ожесточенно залаяли.

– Ну ладно! – вздохнул Абдрахим. – Собаки поторапливают. В путь! Что бы там ни было – в Коварный овраг!

Люди пошли за собаками, ведя коней в поводу. По склону до скалы, напоминающей клюв беркута, пробрались без особого труда. Только Абдрахим, шедший первым, миновал склон, как собаки одновременно залаяли и завыли. И протяжно так, нехорошо завыли. Ледяные мурашки пробежали по коже Абдрахима, тяжелый комок сосущего холода ощутил он в животе.

– Господи, что за беду чуют собаки? – пробормотал Абдрахим, осматривая все кругом. Он рассчитывал, что Тлеу где-то здесь, но охотника нигде не было. Когда Омарбек и Кызайбек подошли к нему, он уже принял решение: – Дальше не пройдем. Как помню, на ближайшем склоне, а нам его не миновать, разбросаны большие валуны – снег их прикрыл, но лошади переломают ноги. Придется здесь оставить, и ты, Омарбек, оставайся с ними.

Собаки выли, уставившись на отвесную стену скалы, где снега намело в рост человека. Становилось ясно – разгадка тревожной неизвестности находится именно там, за стеной.

Абдрахим и Кызайбек подоткнули полы чапанов и начали свой спуск по углублениям, оставшимся от собачьих следов, как раз тех, что проложили Актос и Сырттан, выбираясь из Коварного оврага. Актос бросился вперед, проваливаясь в глубоком снегу, он высоко задирает умную морду, а когда лапы достигли твердой корки наста, он рванулся вперед, уже никого не дожидаясь. Невдомек было людям, что верный Актос как бы чувствует чуткими ноздрями запах остывающей крови и видит внутренним взором смертельно ослабевшего хозяина, его меловой бледности лицо с чуть-чуть вздрагивающими ресницами.

Мужчины с трудом пробираются в девственно-чистом, от века непотревоженном снегу, и ледяное дыхание Коварного оврага все явственнее касается грубой

кожи лиц. Какие бы жестокие ветры ни гладили беломраморный горный снег, как ни иссушало солнце жесткий ледяной панцирь, тяжести человека эта хрупкая поверхность не выдерживает и часто обламывается с шумом и треском. Путники проваливаются по пояс, барахтаются в сухой сыпучей массе, крепким словом поминают дьявола, на горе людям строящего свои козни, вытаскивают друг друга из снежного плена и сосредоточенно пробираются дальше. А нагромождения скал со свисающими бугристыми клинками сосулеск подступали все ближе и ближе к суровым мужчинам, словно постепенно сжимались, в цепком охвате — не вырваться, безжалостные тиски бытия. Меньше света стало, в поднебесье прибавилось мрака. Собаки тем временем исчезли из виду, и только слышен слитный отдаленный лай, глухо отразившийся от нагого скального гранита. Каждый из спутников, задыхаясь, торопится, потому что чувствует одно: этот удаляющийся собачий лай-призыв: «Скорее! Скорее! Спешите, пока не поздно!»

* * *

Ясность сознания не покидала охотника. Он помнил, что послал Актоса домой и что Сырттан увязался за ним. Он знал, что с ним остались еще два верных пса. Он надеялся, что Актос вернется с людьми, и сам он, Тлеу, не останется здесь брошенным на произвол судьбы — это согревало душу. «А мы еще в сердцах называем обидевшего нас человека собакой! — про себя усмехнулся Тлеу. — Нет, мы сами мелочны и мстительны, не прощаем друг другу какой-нибудь чепухи... Скоро два пса залают около порога дома. Господи, что подумают Жаныл, мать? Они, наверное, глаз не сомкнули, дожидаясь меня. Хорошо, хоть Данияр мал и ни о чем не догадывается... А спасать-то меня некому, кто сюда пойдет? Кырыкбай? Нет, ему чужая жизнь не дорога!»

Охотник заметил, что слух у него сильно ослабел: собачьи голоса доносились издалека, звучали они сиротским воем бездомных псов, брошенных на месте покинутого кочевья.

Возбуждение, вызванное исчезновением Актоса и Сырттана, прошло быстро. Кровь кузнечным молотом била в виски, тело горело. Глаза он открывал с трудом, будто веки превратились в чугун. Но когда глаза сами собой закрывались, он проваливался в такую могильную темень, что страшился в это мгновение сойти с ума. К тому же, пока он держал глаза открытыми и видел собак, он не боялся приближения стервятников. Теперь их было не два, не три, а целая стая: мало им застреленных животных — им человека подавай!

«Как много воронья по мою душу! Совсем обнаглели! Того и гляди, что вцепятся в живого... Ах, господи боже ты мой, за что мне на роду написано такое? Стать добычей стервятников в неприступном Коварном овраге... И останется от меня только груда расклеванных костей... Будь проклят, Кырыкбай! Достала меня твоя ненависть, погубила твоя злоба!»

Человек все еще открывал и закрывал глаза, чувствовал, как колотится сердце, выскакивая из груди и вновь возвращаясь в тело, все внутренности тоже продираются наружу, и охотника выворачивает наизнанку. Вереница бредовых видений безостановочной чередой мелькает в воспаленном мозгу Тлеу. Сквозь пелену помрачения он разгребает снежок на груди, расстегивает, отрывая пуговицу, воротник.

Охотник поражается четкости, с какою он теперь все замечает: и не в Коварном овраге он сейчас, а на фронте в зимнем русском поле, снижаются черные тела

фашистских самолетов – уползти, скрыться надо, вот сейчас, иначе пулеметная очередь насквозь прошьет замешкавшегося. И что за лай слышится рядом? Ах, это немецкие овчарки, натасканные разыскивать раненых красноармейцев на поле боя; все ближе они, все ближе... Но почему, почему за ними злобно скалясь, шагает Кырыкбай, целясь в него, беспомощного, из винтовки? Внезапно все исчезает обманым мороком, а к нему, заливаясь слезами, приникает мать, милая матушка Алиман, и слышит человек, покидающий этот мир: «Мой единственный, мой жеребеночек! На кого ты нас оставляешь?» Здесь же печальная Жаныл. Она безмолвна и грустна, и нет сейчас человека дороже. А что же Данияр – сын, разве он не пришел попрощаться с отцом? Нет, здесь он, здесь, куда же он помчался вприпрыжку? Домбру несет, протягивает отцу и смеется, рот до ушей, доволен: любит, когда поет отец. Нет, милый сынок, когда-нибудь споешь ты сам «Плач охотника», а мне более не суждено, что поделаешь. Охотник потянулся к сыну обеими руками, и видение выскользнуло из сознания, рассеялось в свете набежавшей облачности. Он чувствовал на лице холод от птичьих крыльев: стервятники не церемонились.

Конвульсивными движениями человек нагребал снег на грудь, на лицо, заваливал неподнимающиеся веки горстями нацарапанного снега.

Так и остались на лице голые ладони со скрюченными пальцами. Никому не пришлось увидеть последнюю судорогу измученного тела, так долго сопротивлявшегося смерти, никому не пришлось услышать последнего хрипения, внезапно оборвавшегося. Не пришлось отошедшему в вечность охотнику расслышать, как громко лаяли его собаки, как внезапно стихли, подбежав к холодному телу хозяина. Не увидел он и двух людей, приведенных Актосом и Сырттаном к нему через все преграды гор и ловушки Коварного оврага.

От неожиданного движения птицы, ждавшие своего часа, взлетели, наделав много шума. Тени стервятников становились все более расплывчатыми и неясными, птицы смерти поднимались все выше, оставляя в неприкосновенности тело, над которым они кружили с утра, предвкушая поживу. Не они ли уносили с собою душу несчастного охотника?

Авторизованный перевод Константина Кешина.

